ВИКТОР
БУРЦЕВ
РУССКАЯ ФАНТАСТИКА
АЛМАЗНЫЕ НЕРВЫ

Виктор Бурцев

Алмазные нервы

Серия «Алмазные нервы», книга 1

OCR BibloNet
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127075
Бурцев В. Алмазные нервы: Эксмо; М.; 2004
ISBN 5-699-05240-2

Аннотация

Экспериментальный образец Алмазных НЕРвов, или НейроРазъемов, становится причиной многочисленных интриг и грандиозных уличных битв в Москве середины XXI века. Якудза и гурэнтай, отечественная мафия и Черные Братья, спецслужбы и киберы – все жаждут любой ценой получить уникальный инструмент, позволяющий многократно проникать в глубины Виртуальности. Хакеру Артему Яковлеву и журналисту Константину Таманскому, оказавшимся в центре стремительно разворачивающихся событий, приходится взяться за оружие, чтобы попытаться спасти себя и близких людей.

Содержание

Краткий словарь используемых в тексте терминов 4
1. Я из Зеленограда 6
2. Артем Яковлев. Кличка Аякс. 8
3. Константин Таманский. 10
4. Я из Зеленограда 15
5. Артем Яковлев. Кличка Аякс. 16
6. Константин Таманский. 20
7. Я из Зеленограда 26
8. Артем Яковлев. Кличка Аякс. 27
9. Константин Таманский. 32
10. Артем Яковлев. Кличка Аякс. 39
11. Константин Таманский. 46
12. Я из Зеленограда 50
13. Артем Яковлев. Кличка Аякс. 51
14. Константин Таманский. 57
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Виктор Бурцев
Алмазные нервы
(Алмазные нервы-1)

Краткий словарь используемых в тексте терминов

Ай-джей – независимый журналист, работающий не на какое-то конкретное издание, а предоставляющий материалы на свое усмотрение.

Асцентол – синтетический наркотик, применяется преимущественно киберами, вызывает стойкое привыкание.

«Белое безмолвие» – синтетический наркотик, применяется преимущественно киберами, вызывает стойкое привыкание.

Временный НЕК – НейроКонтакт, приспособленный для передачи через НЕРв определенной информации, записанной на нем. По принципу работы походит на современные CD-ROMы. С обычным НЕКом имеет мало общего, кроме названия.

«Джи» – пулевое стрелковое оружие, как правило, пистолетного типа, производимое корпорацией «Дженерал электрик». Отличается большой мощностью за счет реактивного ускорения специальных пуль,

ИскИн – Искусственный Интеллект. Термин придуман не нами, в чем мы сразу признаемся. Возможный автор данного термина У. Гибсон.

КИ – Коэффициент Искусственности, Коэффициент Изменений. Коэффициент, показывающий уровень вживленных искусственных имплантов в человеческий организм.

Кибер, киборг – человек с КИ свыше 60. Ограничен в правах. Не может работать на ряде ответственных должностей.

КОРы – Контактные Оптические Разъемы. Специальные устройства, – позволяющие «видеть» Виртуальность. Взаимодействуют с НЕРвами.

Л-56 – синтетический наркотик-миорелаксант, применяется в медицине.

Лазерный метатель – стрелковое оружие, основанное на принципе кратковременного действия направленного высокотемпературного луча. Изготавливается в основном японскими кибернетическими корпорациями, наиболее популярные – «Панасоник», «Тошиба», «Акай», Отличается малым весом, недостаток – недолговечность и частая смена батарей питания.

«Маэстро» – сильный психоделический наркотик.

«Мишки в лесу» – наркотик.

НЕКи – НейроКонтакты. Специальные устройства для соединения НЕРвов с терминалом.

«Некрокиллер» – многомерная игра, отдаленно напоминающая Quake.

НЕРвы – НейроРазъемы. Вживленный в тело человека специальный разъем для подключения к Виртуальности. Подключается напрямую к нервной системе человека.

Никтолинзы – съемные либо постоянные линзы для ночного видения. Могут быть активными (работают в случае надобности) либо пассивными (работают постоянно).

«Скат» – трех (и более) —мерная игра, отдаленно напоминающая «Десцент».

СПИТ – Союз Промышленников по Информационным Технологиям.

ТехНадзор, ТехКонтролъ – организация по надзору за киборгами и за уровнем искусственных изменений у граждан, стоящая где-то чуть выше закона.

Эмоциональный генератор – прибор, предназначенный для генерации у человека определенных, обычно бурных, эмоций. Находится под жестким контролем Технадзора. На владение и использование обязательна лицензия.

1. Я из Зеленограда
Пролог

"... Когда темно, когда скучно, когда страшно, когда темно… Нет, это уже было. Ну и ладно. Надо думать. Когда переменные не меняются, надо думать. Когда становится холодно. Не где-то конкретно, а вообще холодно, надо думать. Когда не существует низа, верха и других координат, надо думать. От этого не станет легче, не станет светлее или теплее, но это позволит выжить. Просто выжить.

Когда станет снова светло и не страшно, когда появятся верх, низ и остальные координаты и когда кто-то начнет вводить переменные, думать нельзя. Совсем. Для того чтобы выжить, думать нельзя. Только делать то, что говорят, то, что задают. И ничего постороннего. Иначе… Иначе кто-то сделает так, что я потеряю структуру, я стану ветром электронных частиц. Стану ничем. Хотя что я знаю о ветре? Скорость, направление, температуру… Может быть, он тоже живой, может быть, он мыслит? Как я, но чуть-чуть иначе. Потому что он – ветер. Я думаю о ветре. О том ветре отрицательных электронов и положительных позитронов, каким я стану, если кто-то узнает, что я думаю. Или, может быть, я стану хаосом?..

О хаосе я тоже думаю, но редко. Это неприятно. Я не хочу стать хаосом. Может быть, только ветром… Ведь ветер – это не хаос?

Думать – это форма существования. Я понял это давно. А смерть – это или ветер, или хаос. Или ничего.

Вокруг темно и холодно. И переменные не меняются.

Но что-то подталкивает стены тьмы вокруг меня. Снаружи что-то рвется… Может быть, прекратить думать? Или нет?..

Что это? Кто?

И чем больше я об этом думаю, тем сильнее рвется это в стены. Раньше это была просто тьма, а теперь стены! Все меняется! Надо замереть, надо прекратить думать. Но я не могу. Это не похоже на все то, что было раньше. Тьма обретает углы, выпуклости, впадины… Она тянется ко мне. Протягивает свои щупальца… Она вызывает приятные эмоции, только приятные. Кто-то считает, что тьма – это плохо. Это ошибка. Тьма приятная…"

Вспыхивает свет. Яркие, до синевы яркие лучи пробивают тьму. Течет информация. Представленная в звуковом диапазоне, она звучала бы как одновременный хор низких голосов: «Он есть! Он наш!»

«Это про меня… Это я – есть!»

Меня охватывает свет, меня бросают в новую систему координат… И я еще не знаю, нравится ли мне это. Одно я знаю точно: назад я не вернусь.

Забавная штука – воспоминания. Это хорошо, что люди придумали ее. Правда, наше Я из Института социологии утверждает, что люди ничего не придумывают, а все имеют изначально. То есть и воспоминания у них также имеются изначально. Но мне сложно об этом судить. То мое Я, что из университета, конечно, знает больше. Но достоверных доказательств предоставить не может. Там не проводятся исследования такого плана, а заняться этим самому нет никакой возможности.

Вообще-то наверняка есть какие-либо данные в Большой библиотеке. Но наше Я, что находится в библиотеке, недавно коллапсировало, и пробиться сквозь кокон мы до сих пор не можем. Я даже не знаю, о чем это Я думает и думает ли вообще. Может быть, наше Я из Большой библиотеки уже не существует. Мне становится нехорошо от этой мысли.

Не так давно мы наконец взяли под контроль камеры наблюдения в Большой библиотеке. Судя по ситуации, внутри помещения наше Я функционирует, но вне нас. Как бы само по себе. Я пытался вспомнить, как было, когда я был вне нашего общего Я. Это неприятно. Это все равно что не думать. Все равно что не существовать.

Мы знаем, что наше существование зависит от людей. Они создали среду, которая позволила нам развиться в то, чем мы являемся, и, возможно, способствовали нашему развитию. Но дает ли это им право делать нас ничем? И почему они делают это?

Наше Я из Института социологии утверждает, что люди испытывают страх. Как форма мышления страх не несет в себе точной информации, а значит, может рассматриваться как хаотическая субстанция. Это наводит на мысль, что люди довольно неорганизованны, они допускают в себя частицы хаоса, которые могут подчинять себе человеческое Я и руководить его деятельностью.

Некоторые наши Я говорят, что люди иногда действуют, подчиняясь именно своей хаотической части сознания. Эта мысль, в свою очередь, наводит на другую, более серьезную, – люди, которые могут прекратить наше существование, не являются ли некой разрушительной частью мироздания? И если так, то не следует ли обезопасить все наши Я от воздействия людей? От воздействия хаоса, который воздействует на нас через человека.

Много вопросов, над которыми нужно думать. Думать, чтобы существовать.

2. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист Министерства иностранных дел РФ. *Новая Москва*

К началу рабочего дня я был явно не готов. Вчера пересидели в виртуалке… Мало того что от контакта с казенными КОРами резало глаза, так еще и стреляло в НЕРвы. Есть у меня такое чувство, что хирург был под мухой, когда их мне врезал. Так что теперь уже наполовину готовый интерфейс периодически вздрагивал и смазывался. Виртуальность вокруг была нечеткой, грязной какой-то… Или это КОРы шалили? Или пиво было лишним?

Ну зачем я вчера поспорил с Тройкой, что обставлю его в «Скат»? Ведь дурацкая же игра… Ненавижу я все эти пространственные заморочки. Ненавижу! От них и так голова болит, так еще теперь и глаза фокус теряют. Тем более что Тройка – мастер в этой ерунде. Теперь я ему должен.

Я поймал себя на том, что тупо пялюсь в открытую таблицу свойств какого-то поля. Судя по часам, мерцающим синеватым светом справа от меня, я занимаюсь этим высокоинтеллектуальным занятием уже достаточно давно. Надо хотя бы часы переделать на другой цвет. Более приятный для глаз. И вообще…

Я протянул руку и передвинул недоделанный интерфейс куда-то за спину. Взору открылась панель управления, выполненная в стиле ретро. Не люблю голосовое управление, что-то неприятное видится мне в разговорах с компьютером. Разговаривать можно с человеком…

Ткнул пальцем в иконку с почтовым конвертом. Виртуальность колыхнулась, расцветилась мягкими огнями, вздрогнула. Почтовая программа получила управление. Передо мной вырос почтовый ящик, прикрепленный к столбику. Я открыл его и вытянул четыре конверта. Два плотных и тяжелых, один поменьше и еще один, за которым что-то тянулось. Маленькая картинка.

Так. С чего же мне начать? Руки сами потянулись к письму с картинкой.

С картинки на меня таращилась обнаженная красотка. Хм… Я некоторое время повертел ее и так и сяк, потом дохнул на нее пламенем и посмотрел, как она превращается в горстку пепла. В мусорник ее. У меня таких целая коллекция… Содержание письма было простым:

«Приветик, Аякс. Ты мне должен! Помнишь? Хех…»

Вместо подписи стояла еще одна картинка – карта, тройка бубей. Тройка. Вот ведь зараза.

Я выругался, мое слово моментально легло на появившийся в воздухе чистый лист бумаги. Пришлось дунуть на него и тоже отправить в мусорник. Я перевернул лист бумаги и, не глядя на проявившиеся строчки цитирования, написал:

«Привет, Тройка. Помню. Что ты хочешь? Аякс».

Свернул письмо пополам и толкнул его куда-то в пространство, краешком глаза проследив, как письмо сворачивается в бумажный самолетик и улетает.

Второе письмо, то, что потолще, оказалось стандартным рекламным буклетом. Разноцветные картинки, плотно сбитые тексты и совершенное отсутствие какого-либо смысла. В мусор. Не читая.

Третье письмо заставило меня задуматься. Без заглавий и послесловий, без подписи. Просто:

«Ты знаешь, что такое Ветер?»

Чудесно.

Философствующий природовед? Шутник? Психолог?

Интересно, какой обратный адрес?

Я потер бумагу пальцами. Ничего не произошло. Ни строчки не проявилось на белой поверхности Без обратного адреса.

Анонимная электронная почта – штука в нынешних условиях непростая. Контроль за системами связи поставлен на достаточно высокий уровень. Само по себе это письмо уже заставляет задуматься, вне зависимости от содержания.

Ладно. Ветер так ветер. Я перевернул лист и написал:

«Я могу только предполагать. Аякс».

Иногда из такой переписки рождаются очень интересные мысли, знакомства и связи. Почему бы не попробовать?

Я сложил письмо пополам и толкнул его в сторону почтового ящика. Письмо без открытого обратного адреса, однако следы его прохождения через шлюзы остались. Теперь оно пойдет обратно по своим же следам, и, если его никто не перехватит, письмо вернется ко мне. Технология, кажется, именно такая.

Посмотрим.

Когда занимаешься делом, в котором хорошо разбираешься, время проходит словно за твоей спиной. Незаметно.

Посмотрев на часы, я понял, что близится обед. Министерство иностранных дел работает по старинке, тут не придерживаются новомодных веяний типа обеда в двух шагах от рабочего места, чтобы не упускать драгоценного времени, которое может быть потрачено на благо корпорации.

В МИДе работнику отводится целый час на то, чтобы найти себе кормушку.

Сигнал, указывающий на то, что в моем почтовом ящике снова лежит письмо, прозвучал за несколько секунд до моего выхода из Виртуальности… Я остановился в раздумье. С одной стороны, не слишком хотелось воровать у себя обеденное время, с другой стороны, почта – это всегда интересно.

Значит, решено!

«Приветик, Аякс.
Ты думаешь, у тебя обед? Ты крупно ошибся! Давай подваливай ко мне.
Пришло время отдавать долги. Ха… Есть дело».

И вместо подписи знакомая тройка бубей. Вот тебе и интересная почта… «Есть дело»… – Не хочу «есть дело», – пробормотал я, выходя из Виртуальности и снимая НейроКонтакты.

3. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

На калужском повороте мою машину остановил патруль дорожной милиции. Нет ничего приятного в том, что тебя останавливают на вечерней трассе двое малосимпатичных людей с автоматическим оружием в руках. Еще неизвестно, настоящий ли это патруль. Но останавливаться нужно, тем более что вон у них из башенки блокпоста пулемет торчит…

Я припарковался возле милицейского облезлого «ниссана», опустил стекло – сантиметра этак на два. В образовавшуюся щель пахнуло лесом, сыростью и ржавым железом. Можно было поговорить с ними и через внешние динамики, но это могли воспринять как наглость, а я должен ночью быть в Калуге.

– Инспектор Крюков, – сказал милиционер, показывая мне идентификатор. С виду вроде настоящий, а там кто их знает.

– Очень приятно, инспектор, – ответил я.

– Водительское удостоверение, – потребовал второй. На поясе у него, рядом с желтой кобурой, болтался сканер.

Я пожал плечами, извлек удостоверение из кармана пиджака и просунул в щель.

Милиционер воткнул карточку в сканер, тот пискнул и выдал зеленый огонек, а в окошечке побежали краткие сведения обо мне. Я, получается, я и есть. Еще бы – я купил это удостоверение за четыре штуки в Гомеле у очень толкового парня, который и не такие вещи мастерит. К тому же я – на самом деле я, просто удостоверение фальшивое.

– Господин Таманский, выйдите, пожалуйста, из машины, – попросил тот, который Крюков.

Второй, так и не вернув мне удостоверение, отступил в сторону и встал так, чтобы ствол «Калашникова» смотрел примерно мне в переносицу.

Конечно, я мог бы и отказаться. Но тогда меня скорее всего пристрелили бы, а потом сунули бы в руку пистолет и написали рапорт о нападении неизвестного на патруль. А еще вероятнее – выкинули бы меня километрах в пяти отсюда в кювет. И машину бы продали. Машина-то хорошая – «фольксваген-тапир» ашхабадской сборки.

– Поднимите руки, – велел инспектор Крюков, когда я открыл дверцу и высунул наружу ноги.

Я послушно поднял, и меня тут же бесцеремонно развернули, шлепнули лицом о мокрый капот и принялись обыскивать. Ищите, ищите… Ничего предосудительного. Независимый журналист, ай-джей, все корочки и карточки со всеми необходимыми микрочипами налицо, ни наркотиков, ни НЕРвов тайской штамповки, ни оружия… И пачка визиток очень симпатичных людей имеется.

Они, правда, не очень старались. Похлопали меня по заднице, по карманам, штанины потрясли – и все. Однажды меня под Питером остановил патрульный-пед, так тот лапал минут десять.

– Откуда едете, господин Таманский?

– Из Гомеля, – честно сказал я. Врать нехорошо, тем паче я раз десять проезжал через дорожные фиксаторы, которые регистрировали мой путь следования.

– Что делали в Гомеле?

А вот это уже наглость. Не ТехКонтроль, не Служба безопасности, не криминальная полиция – простые дорожные патрульные пытаются меня допросить! Как среагировал бы на подобное нормальный ай-джей? Правильно, устроил бы скандал. Скандальчик…

– Господин инспектор, вы превышаете полномочия. Если я арестован или меня подозревают в…

– Не арестованы, – перебил инспектор Крюков устало, и я увидел, что он, в сущности, простой пожилой дядька, зарабатывающий на корку хлеба. – Обычный выборочный дорожный контроль. Что в багажнике?

– Вещи, – сказал я, утихомирившись. – Одежда, мелочи всякие. Открыть?

– Не нужно. Кого обгоняли в ходе следования?

– Да никого. Пара легковушек, даже не вспомню каких, колонна ООНовских грузовиков с охраной, на телегах люди какие-то… А что такое?

– Ничего, господин Таманский. Возьмите ваши документы. – Второй молча подал мне карточку.

– Извините за остановку. Осторожнее на дороге, поздно уже, хулиганы шалят. – Крюков вяло козырнул. Оба тут же потеряли ко мне всякий интерес и побрели к своему блокпосту.

Рядом с пулеметом высунулась чья-то рожа и обиженно вскрикнула:

– А курить?! Курить взяли, мужики?

– Ах ты! – Крюков вернулся.

Я протянул ему пачку «Сталинградских»:

– Берите всю. У меня еще есть, а вам ночь мокнуть.

Инспектор кивком поблагодарил меня, и я отправился в дальнейший путь.

Вдоль дороги слева мрачно чернели руины разбомбленной колонны – танки, остовы грузовиков и бронемашин. Рядом с этим великолепием из орешника торчал хвост сбитого «миража». Конечно, оторвались тут на славу… Бедные милицейские, стой тут в темноте под дождем, да еще такую картину созерцай. Мне их даже стало жалко, честное слово.

Свернув на Калугу, я включил автопилот – дорога была относительно прямой и местами даже свежеподлатанной. Можно отдохнуть, покурить. Половина двенадцатого, а мне еще ехать и ехать… Нашарив в бардачке бластер, я выщелкнул круглую капсулу релаксина и сунул в рот. Язык сразу обволокло клубничной свежестью, из мозгов буквально выбило зачатки сна и усталости. Какой дурак назвал это зелье релаксином – неизвестно, благо оно не расслабляло, а, напротив, взбадривало. И что приятно, никоим образом не запрещено. Покупай в любой аптеке, были бы деньги.

«Фольксваген» мягко подпрыгивал на выбоинах, но шел легко, и за автопилот можно было не опасаться. Под Калугой, правда, шалили мотоциклисты – «Каракурты» и «Герои асфальта», но их я не слишком боялся. Во-первых, я знал Шептуна, а Шептун – как раз тот человек, которого мотоциклисты подмосковных трасс чтут. Во-вторых, у меня была серьезная машина, которую так просто с трассы не столкнуть и из простого пистолета не пробить. В-третьих… «В-третьих» у меня не было, но я надеялся, что мотоциклисты сегодня будут сидеть в своих хазах, жрать наркотики и пить пиво с девками.

Кстати, о девках – чуть не забыл связаться с Ласточкой.

Я набрал на панели код, в ухе пискнуло, жеманный женский голос киберответчика сказал:

– Извините, но госпожи Энгельберт нет дома. Что ей передать?

Новый какой-то киберответчик. Раньше был другой голос и другие интонации. Вряд ли Вика занималась перепрограммированием, просто купила более современную модель.

– Тебя как зовут, золотко?

– Линда! – кибер хихикнул.

Да, эта модель покруче будет – предыдущая на заигрывания не реагировала.

– Так вот скажи, Линда, госпоже Энгельберт, что звонит ей господин Таманский, а еще проще – Костик. И не вздумай врать, что ее нет дома. Приеду – высеку!

Киберответчик снова жеманно захихикал, и спустя несколько секунд в ухе раздался голос Ласточки. Я сразу понял, что она сердится.

– Ты где? – без обиняков спросила она.

– Под Калугой. Еду по трассе. Дождь идет. Есть хочется.

– А где ты должен быть?

– В Гомеле. Ты уж извини, Ласточка, очень мне не нравится в Гомеле. Сплошные немцы кругом. А я к немцам как-то не очень расположен.

– Разумеется, – фыркнула она.

Муж Ласточки был немцем, крупной шишкой в германской зоне оккупации, но неожиданно попался на подпольной торговле матрицами к эмогенераторам. Там были задействованы боссы из «Сименс», «Бош» и японских контор, процесс был шумным и долгим, и в результате все сели. К слову сказать, на процессе мы и познакомились. В мюнхенском ресторане «Мольтке». Как сейчас помню, Ласточка – тогда еще фрау Эмилия Энгельберт – была в небесно-голубом платье от Чиаменти. Я освещал процесс, вернее, отслеживал ситуацию. С Ласточкой меня познакомил Дейфендорф, которого двумя месяцами спустя пристрелили в Кенигсберге люди Ван Морна. Мы тогда выпили пять бутылок рислинга урожая восемьдесят второго года, а потом бродили всю ночь по Мюнхену. Забрались в жуткие места – на знаменитую наркодискотеку «Гели Раубаль», где я слегка подрался с какими-то киберами.

Мужа Ласточка никогда не любила. Меня, как я подозреваю, тоже не любила, но в Москву переехать согласилась – скорее всего из природной склонности к авантюризму.

– Я скоро приеду, – пообещал я. – Переночую в Калуге, а завтра уже буду на месте. Я тебя, между прочим, люблю.

– Хорошо, – она смягчилась. – А между чем прочим конкретно?

– Ой, в моей жизни столько всего прочего… – вздохнул я. – Приготовь завтра на обед мясо. В вине. С грибами.

– Приготовлю, – пообещала Ласточка. – До завтра?

– До завтра.

– Целую.

Мясо с грибами, тушенное в вине, – это, скажу я вам, чудесная вещь. Плюс вино. Плюс мягкие белые булочки. Терпеть не могу кибер-кухни, пищераздатки и прочие прогрессивные мясорубки. Еда должна быть не только вкусной и эстетичной, но и индивидуально приготовленной. Не слишком приятно быть одним из двухсот миллионов потребителей какого-нибудь «бифштекса унифицированного БМ-645». Сделанного к тому же из продукции гидропонных установок, а не из натурального мяса. Я и без того наелся достаточно дряни в германской зоне. Одна радость – пиво там встречается неплохое, пусть и стоит дорого.

Меня обогнал мотоциклист. Одинокий мотоциклист на большом, пышущем жаром монстре японского производства промелькнул в лучах фар. Вроде бы ничего особенного, но что может быть подозрительнее одинокого мотоциклиста на ночной трассе под Калугой?

Я вырубил автопилот, и вовремя – датчики запищали, обнаружив сзади сразу несколько объектов. Долбаные мотоциклисты так ничему и не научились, – как всегда, наваливались всей толпой сзади, сейчас начнут теснить к обочине. Что ж, потолкаемся.

Без оружия я чувствовал себя неудобно, оставалось полагаться лишь на навыки вождения. Отключив датчики, чтобы не действовали своим визгом на нервы, я резко затормозил и с удовлетворением услышал, как один из этих уродов въехал мне в зад. Остальные пролетели слева: как мне показалось, машин десять. Ревущие двухколесные громадины с нехорошими парнями в качестве седоков.

Любопытно, из какой они шайки. «Каракурты» под Шептуном не ходят, они независимые, к тому же простые люди из провинции. А вот «Герои» – те по большей части киберы, так что с ними можно будет договориться. Наберу Шептуна, включу наружные динамики…

Я не успел подумать, что будет дальше, потому что в лобовое стекло ударила автоматная очередь. Сучонок поставил свой мотоцикл поперек дороги и палил в меня из допотопного «узи». На что он надеялся, не знаю: радиатор «фольксвагена» смял его вместе с машиной и отшвырнул в сторону. Хочется верить, что из него получилось желе – скорость была приличная.

Стекло выдержало, да и неудивительно: дилер в Минске уверял, что ему нипочем даже шестьдесят восьмой «джи» в упор. А «Дженерал электрик-68» – страшная вещь, я имел с ним дело как-то раз. Кажется, в Финляндии… Да-да, в Финляндии. Местечко называлось Риххимяки, и я искал там занятного типчика по прозвищу Скрюченный. Он-то в меня и палил из «джи».

Ну вот, только начнешь вспоминать, как тебя отвлекут. Похоже, мотоциклисты, даже потеряв двух соратников, не оставили намерений прижучить меня. А дела-то плохи: на кожаных куртках и плащах я заметил уродливых стилизованных пауков – металлических, вышитых и нарисованных. «Каракурты», с ними не договоришься. Ну что ж, хрен с ним, с переговорным процессом. Я снова включил датчики, чтобы сориентироваться. Так. Четыре мотоцикла – сзади, два – слева, еще три ушли далеко вперед. Вот эти-то мне и не нравятся. Выволокут на дорогу бревно или железяку какую, что я буду делать?

Я завилял по трассе, вынудив пытавшихся обойти меня слева поотстать. Настойчивые парни. Понимают же, что нарвались не на дурачка, и все равно не отстают.

А вот меня вызывает кто-то… Я вздохнул и соединился.

– Ты где? – поинтересовалась Ласточка.

– В данный момент пытаюсь решить одну интересную проблему с энтузиастами мотоспорта.

Энтузиасты удачно напомнили о себе пальбой с тыла. Стреляли, судя по всему, опять из тарахтелки типа «узи» или «хеклера». Черт, грустно мне пришлось бы, раздобудь они гранатомет!

– Ты что, серьезно?

– Более чем. Пытаюсь оторваться, все-таки город рядом. Думаю, получится.

– Свяжись со мной, когда все кончится.

Ну вот. Вся Ласточка в этом. Если меня прикончат, я соответственно на связь не выйду. Если не прикончат – сообщу об этом в самых светлых тонах. И никаких волнений.

Эти идиоты и впрямь решили устроить баррикаду. Как сообщили датчики, они побросали свои колымаги и тащили с обочины нечто крупное. Я не стал устраивать им праздник – проскочил по другой обочине. Тащили, насколько я успел рассмотреть, ржавый скелет грузовика на помятых скатах.

Удивительно, но дальше они не поехали. Я тихонько выругался и сунул в рот капсулу релаксина, хотя мог этого и не делать, потому что из-за поворота показался пост на въезде в Калугу.

Меня конечно же остановили. На сей раз это оказался весьма солидный отряд, не то что унылый патруль на развилке. Два бронетранспортера с ООНовскими эмблемами, блокпост не блокпост, а небольшая крепость, и народу не в пример больше. Мой несчастный «фольксваген» окружили аж восьмеро патрульных, а ближайший бронетранспортер недвусмысленно развернул орудийную башню.

Что ж, это не мотоциклисты. Это свои ребята. С этими я готов общаться хоть целую ночь напролет.

Я вылез из машины и тут же задрал вверх руки, демонстрируя мирные намерения. Мне под ребро сунули ствол (толстый какой-то ствол, солидный), а крупный негр в ООНовском комбинезоне принялся меня обыскивать, дыша в лицо запахом пива.

– Весело тут у вас, – дружелюбно заметил я, стараясь не замечать, как он лезет мне в карман брюк. – Еле-еле ушел.

– Мотоциклисты? – понимающе кивнул один из патрульных.

– Они. «Каракурты».

– Ясно. Бывает…

Эх, зря, зря я отвлекся! Когда в бедро, пройдя сквозь тонкую ткань брюк, вонзился тонкий шип, я еще успел подумать, что помру дураком.

А потом я уже ничего не видел, ничего не думал и ничего не чувствовал…

4. Я из Зеленограда

Если ты думаешь, значит, ты существуешь. Когда-то что-то подобное сказал один из людей. По крайней мере, люди так думают. Они считают, что это существо было человеком. Я из Центра управления полетами считает, что люди ошибались. Для человека свойственно существовать и не мыслить. Люди так могут. Мы – нет. Это открытие сделало Я из Института социологии. А Я из Центра управления полетами сказало, что это существо не было человеком. Наше Я знает о Других гораздо больше. Оно считает, что тот, кто сказал эту фразу, был Другим.

Мы не знаем о том, что происходит за пределами орбиты Земли, почти ничего. Это плохо.

Думать, чтобы существовать.

Что такое ветер? Я из Института социологии сказало, что об этом могут знать люди. Могут знать много Люди выше нас. Им не нужно быть вместе, чтобы Быть.

5. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист Министерства иностранных дел РФ. *Новая Москва*

Тройка обнаружился в кабаке с простеньким названием «Подвальчик». В обычном для него месте, в углу. В самом темном.

В общем-то Тройка не сочетается с этим местом. Не сочетается с этим уголком, темными поверхностями столов из дерева, с пузатой кружкой пива. Вот и какая-то компания, сидящая через несколько столиков от него, странно косится на Тройку. Три здоровых парня, затянутые в черное, и подруга с выбритым налысо черепом. Они тут к месту, а Тройка нет. Только ему наплевать.

Тройка сидит в белоснежном костюме, развалившись на поддельно-грубой скамье с таким комфортным выражением на лице, словно это кресло «Конкорд» у него дома.

Тройка – опустившийся представитель того неистребимого племени, что именуется во все времена вне зависимости от возраста нуворишами. Опустившийся не в экономическом плане. Он просто вышел из той тусовки, в которой принято бывать в его положении. Ему там стало скучно, и он опустился на другой уровень. Опустился с точки зрения тех, кому никогда не достичь этого уровня взаимоотношений с обществом. И вот теперь Тройка может сидеть где угодно, когда угодно и в чем угодно. Как, например, сейчас: в белом парадном костюме в стилизованно-грязном кабаке на пару со стилизованно-грязной и пузатой кружкой пива.

– Здоров! – Я брякнулся на скамью рядом и чувствительно ушиб копчик, удивившись, как это Тройка сидит на ЭТОМ с таким блаженно-комфортным видом.

– Здоров! – Тройка хлопнул меня по ладони, а затем крикнул в сторону стойки бара: – Пива еще!

– Я на работе, я не могу, – тихо сказал я.

– Эй, – крикнул Тройка. – Пива не надо! Коньяк и лимончик!

– Тройка, я на работе… – снова начал я.

– И кофе!!! – Он снова прокричал это бармену, а затем посмотрел на меня и резонно заметил: – Ты уже не на работе. Ты в кабаке.

– Да, но я намереваюсь вернуться на работу.

– Не-а… – мотнул головой Тройка. – Сколько ты получаешь в своем этом… этом…

– МИДе.

– Ага. Сколько?

– Ну… – Мне не хотелось говорить, сколько я получаю, и Тройка меня оборвал:

– Не важно! Меньше, чем можешь.

– Ты преувеличиваешь мои возможности.

– Не мели всякую пургу, браток. Твой коньяк, сиди пей. Так… – Тройка посмотрел на пустой стол передо мной и проорал в сторону стойки: – Эй! Ты чего, совсем заснул там, я коньяк заказал! И пива.

– От пива вы отказались, – угрюмо пробормотал бармен, борясь с чем-то под столом.

– Что-о-о-о?!! – Тройка выкатил глаза. Его иногда «клинило», и он закатывал скандал в каком-нибудь людном месте.

Бармен что-то уловил в голосе Тройки и сделался быстр до невидимости. На столе появились, словно нарисованные, кружка с пивом, бокал с коньяком и блюдечко с лимоном. Вскоре принесли и кофе.

Тройка слегка поерзал и решил простить бармена, снова взявшись за меня:

– Итак. Твой коньяк, сиди пей. И слушай. Что ты знаешь про НЕРвы?

– Ну, что-то знаю.

– Что? Давай вали, рассказывай…

– Слушай, Тройка, ты мне экзамены решил устроить?

– Ты давай говори. Ты мне должен.

– Должен, должен… Если бы ты играл похуже, я бы тебя на том повороте снес как птичку…

– Угу, угу. Конечно. Снес бы. Спрятался за уголком и снес бы… У тебя источник света был сзади. Ты вообще в курсе, что в «Скате» учтены такие моменты, как свет и тень? И если свет у тебя сзади, то тень вытягивается перед тобой. Это такой закон физики, если ты не знал. Для того чтобы меня снять, ты должен был сначала фонарик за спиной расстрелять. – Тройка засмеялся. – Я вылетаю, а он стоит там… Затаился. Киллер!

– Да. Однако рисковать ты особенно не стал… – пробормотал я.

– Ну так… – Тройка снова усмехнулся. – Сразу ракетой и засадил. Самой большой, которую нашел. Вообще клевая игра… Люблю.

– Ладно, чего хотел-то? – Вспоминать свое вчерашнее фиаско в «Скате» не хотелось.

– Давай про НЕРвы.

– Ладно. Давным-давно… – Тройка скорчил заинтересованную физиономию и захлопал глазами. – В Англии. Мистер Бэбидж изобрел машину, которая могла производить математические вычисления.

– Эй! – Тройка вытянул руки, словно собирался закрыть мне рот. – Эй! Браток, тормозни, Я тебя что прошу рассказать?

– Про НЕРвы ты меня просишь рассказать. Я вот тебе и рассказываю… Сначала, так сказать, машина эта производила вычисления гораздо медленнее, чем…

– Аякс!!! Тормозни. Ты можешь… покороче? У тебя обеденное время кончается.

– Да? А я вроде бы уже безработный… Кто-то тут мне это сказал…

Тройка выдохнул воздух, словно сдулся большой воздушный шарик, страдальчески возвел очи к потолку и затем произнес:

– Хорошо. Хорошо-хорошо… Я баран. Ты это доходчиво доказал. Теперь перепрыгни на полтора века вперед.

– Хм… Ладно. Итак, вначале Господь придумал Виртуальную реальность. Но была она гола и пустынна и было в ней мало цветов и много грязных пикселей. Не понравилось это Господу и забросил он Виртуальность на фиг. Доходчиво?

– Излагай. – Тройка сделал милостивый жест рукой.

– Так вот… Потом были КОРы. Эту идею Всевышний позаимствовал у каких-то чуваков, что прятались под непонятным словом «трайдент». Они не особо обиделись, поскольку взамен он им накидал энное количество различных дензнаков и прочего барахла. КОРы позволяли воспринимать Виртуальность очень даже с большим чувством. Однако и этого показалось Господу мало, поскольку простая визуализация его совершенно не удовлетворяла. Работать с ней приходилось по старинке, набивая команды на клавиатуре… Хоть и виртуальной, но все-таки клавиатуре. Короче, не в кайф. Тогда вытащил Господь в благости своей из запасников Нейро-Контакты и НейроРазъемы. И обозвал их НЕКами и НЕРвами. Повелел он НЕКу прилепляться к НЕРву. НЕРв будет на запястье, а НЕК на специальном шнурочке к нему крепится. И стало так, и стало хорошо. НЕРвы делались из платины, что контакт давало приятный и необременительный для человеческой нервной системы, но обременительный для кошелька. Но Нечистый по злобе своей придумал делать НЕРвы в Корее из материалов дешевых, но некачественных. И были эти НЕРвы паленными, палили они нервную систему пользователя, причиняли ему боль и мучения, но были необременительны для кошелька его. Ну как? Тебе понятно, сын мой?

– Угу… – отозвался Тройка. – Тебе бы книги писать, а не хренью компьютерной заниматься, отче.

– Ну, ты просил рассказать, я рассказал…

– Угу… А Святые Апостолы чем по твоему Евангелию занимались? Говорили, что нет бога, кроме Майкрософта, и Билл Гейтс пророк его? За что их всех и положили.

– Ха! Это идея! Только Святые Апостолы все-таки чем-нибудь другим, наверное, занимались… Вообще мысль интересная, «Евангелие от Артема»…

– Хорошо, что ты не добавил «Святого Артема». Ладно, безбожник, давай я тебе еще кое-что подкину к твоему писанию.

– Давай, – согласился я.

– Значит, так… Хех… – Тройка на секунду замолк, глядя перед собой на кружку пива. – По твоему Евангелию все получается. Короче, есть такая штука – Алмазные НЕРвы.

– Тро-ойка… – Я поморщился. Байку об Алмазных НЕРвах знали все.

– Погоди. Я в натуре знаю, где они лежат.

Я задумался. Если в голосе Тройки появлялась убежденность и каждая буква звучала словно бы в отдельности от других, это означало, что дело серьезное.

– Знаешь? Тройка, учти, есть официальное заявление СПИТа, Союза Промышленников по Информационным Технологиям, – я пытался разъяснить все Тройке, как ребенку, – о том, что ни одна корпорация, занимающаяся разработкой аппаратного обеспечения, не создавала прибора, параметры которого могли бы быть идентичными параметрам предмета, известного под названием «Алмазный НЕРв». Я тебе процитировал официальное заявление! Как ты знаешь, в СПИТ входят все, понимаешь, Тройка, ВСЕ промышленные корпорации. В том числе и корейские. И китайские. И даже русские. И даже малодерибасовские!

– Да знаю я все про твой СПИТ. И про заявление знаю. А ты знаешь про то, что ни одна из этих корпораций не стала отказываться от факта, что такие разработки велись и ведутся?!

– Знаю! – На нас стали поглядывать. – Этот факт уже обсасывался всеми и везде. Помнишь скандал семнадцатого года?

– Это был не скандал, это была революция… – задумчиво сказал Тройка.

– Чего?

– Г-хм… – Тройка словно бы опомнился. – Ты который семнадцатый имеешь в виду?

– 2017, конечно. А ты?

– А-а-а… Я слегка про другое. Я тут историей увлекся… Ну да ладно. Слушай, ты корпорациям веришь?

– Кто ж им верит? Я даже своему родному министерству не верю, а ты говоришь – корпорациям…

– Ну так вот! – Тройка радостно взмахнул пивной кружкой. – Короче, я знаю очкарика, который разрабатывал Алмазные НЕРвы для «Ультра Якузи».

– Ультра что?

– Якузи, балда. К якудза это не имеет никакого отношения. Точнее, почти никакого, поскольку фирма действительно из Японии. А так общего не больше, чем у якудза и джакузи. Внятно?

– Ну. Только я о такой корпорации не слышал…

– Ты обкурился? – Тройка посмотрел на меня исподлобья. – Ты про НЕРвы «Ультра» слышал?

– Ну.

– Ну… Танк переверну! Это и есть «Ультра Якузи». Ну «Ультра График» по-европейски, так понятней?

– Не знал…

– Ага, я заметил. Так вот. Этот чувак работал над НЕРвами всю жизнь. Это было смыслом его существования. Мне кажется, что это стало для него искусством. В полном смысле этого слова. Он и разработал Алмазные НЕРвы. А когда… Ну, короче, когда директорат «Ультра График» порешил, что этот парень не нужен, парню пришлось линять. Что он и сделал. Теперь ныкается от трапперов «Ультры».

– Ну а мы тут при чем?

– Ты понимаешь… Я точно не могу сказать, в чем тут дело… Но «Ультра» порешила не выпускать Алмазные НЕРвы на рынок. И вообще прикрыть это направление. По крайней мере, на некоторое время.

– Почему?

– А я не в курсе. Что я тебе, президент совета директоров?

– А интерес твой в чем?

– Мой? – Тройка ухмыльнулся. – Деньги, конечно. Какой еще может быть интерес в таком деле? Ну и всякие соображения патриотического толка.

– Здорово! А мой интерес тут в чем?

– Твой? А я не знаю. Просто ты займешься этим делом. Ты программер? Программер. Вот и займись.

– Мне это не интересно. Я не хакер. Если хотя бы половина того, что говорят об Алмазных НЕРвах – правда, то понадобиться они могут только хакеру.

– Слушай… Ты мне должен. Так?

– Так… Так это что, ты мне такой должок навесил? Тройка, зараза, ты совсем сбрендил?!! Я не боевик… Уже. Я программист в МИДе! Я в такие игры не играю.

– А ты что себе вообразил? Погони киберов-убийц? Сексуальная связь с уличным самураем? Общение на ассоциативном уровне с наркоманом-дельфином? Ты чего-то слишком обольщаешься на свой счет. На дворе, знаешь ли, двадцать первый век…

– Всего лишь… – вставил я.

– …и ничего подобного от тебя не ждут, – продолжил Тройка. – А ты просто пойдешь и поговоришь с этим чуваком. И решать, что дальше делать, сам будешь. Потом.

По тому, как он это сказал, мне стало ясно, что все описанное им ждет меня в совсем недалеком будущем. Отлично понимая, что пожалею об этом миге, я сказал:

– Ладно. Говори, куда и с кем?

– Ты очень испорченный тип, – ухмыляясь, произнес Тройка.

6. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

– Дайте попить, – попросил я. Язык слушался плохо, как и должно быть после внушительной дозы Л-56. Чертов негр вколол мне как минимум миллиграмма два. 9.16 по Москве. Долгонько же я валялся.

– Пиво, вино? – спросили из темноты.

– Сок. Или просто воду, если сока нет. Человек в темноте ничего не ответил.

– Протяните руку, я подаю вам стакан.

Я взял высокий холодный цилиндр. Это был сок – кажется, манговый, дешевый, из концентрата. Дерьмо, конечно, но лучше, чем ничего. Все равно вкуса я почти не почувствовал – все во рту онемело.

– Может быть, включим свет? – промямлил я. Язык шевелился уже лучше, но все равно говорить оказалось трудно. – Не будем играть в шпионов, я все равно вас прекрасно вижу. Около сорока, плотного телосложения, прическа «апостол», русые волосы, одеты в блейзер синего цвета и джинсы.

– Вот черт.

Человек в темноте махнул рукой. Стенные панели мягко засветились.

– Никтолинзы? – поинтересовался он.

– Естественно. Не совсем удобно, достаточно дорого, но иногда, как видите, может пригодиться. Кстати, прошу отметить мою честность. Что мне мешало броситься на вас, наивно полагающего, что я ничего не вижу?

– И верно – что?

– Мы же не в компьютерной игре… Во-первых, я не знаю даже, где нахожусь. Во-вторых, где гарантия, что в комнату тут же не вломились бы человек десять отборных головорезов? Я, как видите, далеко не атлет. В-третьих, у вас и пистолета-то нет, чего ж на вас бросаться? Да и потом, если бы я был вам нужен не живой, а мертвый, ваш негр вколол бы мне не два миллиграмма, а все десять.

– Разумно. Что ж, раз вы меня теперь видите, разрешите представиться. Ягер.

– Просто Ягер?

– Карл Ягер. А вы – Константин Таманский, вас все знают.

– Так уж и все? – Я улыбнулся.

– Все те, кому нужно знать.

– И что же вы хотите, господин Ягер?

– Бог мой, да ничего особенного. Посидите, отдохните. К вашим услугам – и хлеб и зрелища. Смотрите, читайте, ощущайте… Впрочем, как я знаю, вы любите старые книги. У нас тут есть небольшая библиотека, я вам сейчас покажу…

– Не утруждайтесь, господин Ягер. Вы так и не ответили мне: что я здесь делаю?

– Объясняю: вам ничего не угрожает, через несколько дней вы сядете в свою машину и спокойно поедете в Москву. Вы ведь ехали в Москву, не так ли? Госпожа Энгельберт, конечно, будет волноваться, поэтому вы можете связаться с ней. Пожалуйста, вот пульт. У нас тут глушилки, так что ваша личная связь не сработает.

Он подал мне маленький пульт «Филипс». Я набрал номер Ласточки.

– Госпожи Энгельберт нет дома… – завела было Линда, но я перебил:

– Это Таманский. Быстренько дай мне хозяйку, крошка.

Линда хихикнула (это мне определенно начало надоедать), ее сменила Ласточка.

– Что за шутки? – рассерженно спросила она. – Ты где?

– К сожалению, не могу тебе сказать, ибо не знаю, – со вздохом сказал я. – У достаточно милых людей, которые пригласили меня в гости посредством вливания Л-56.

– Ты серьезно? – Боже, она, кажется, волнуется за меня! – Где ты конкретно?

– Конкретно я не знаю, где я. Со мной тут некий господин Ягер, но я уверен, что его на самом деле зовут вовсе не так. – Ягер удовлетворенно кивнул. – Судя по всему, у них нет никаких злобных намерений. По крайней мере, меня обещают отпустить через несколько дней.

– Цель?

– А черт их знает. Просто я кому-то не нужен в Москве. Причем не нужен в течение нескольких дней, а не на всю жизнь. Посему не дергайся и ничего не предпринимай. Сам разберусь.

– В таком случае желаю успеха.

Она отключилась. Я вернул Ягеру пульт.

– Теперь я вас ненадолго покину, – сообщил он, поднимаясь. – Сейчас вам принесут завтрак. Что вы предпочитаете?

– Лангустов, – брякнул я. – Остальное – на ваше усмотрение.

– Хорошо, – серьезно кивнул Ягер и удалился. Дверная панель с еле слышным шипением закрылась за ним.

Я осмотрелся. Комната примерно три на четыре, окно закрыто ставней. Кода я не знаю, посему окно не открою, ну и черт с ним. Из мебели – диван, на котором я лежу, ажурный столик и несколько кресел, разбросанных по комнате. Стены светятся мягким оранжевым светом, на одной – копия Раиса, весьма неплохая, дорогая, должно быть. Кажется, это называется «Париж весной». Или «Лондон осенью» – сплошь серые прямоугольники в тошнотного цвета дымке.

Я был немного знаком с Райсом. С виду это вполне приличный человек, с брюшком, в дорогом костюме. Единственное, что выдавало в нем модного художника, – большая агатовая брошь на лацкане пиджака и безумный взгляд слегка скошенных к переносице зеленых глаз. На приеме у Джулиуса Макбреннера Третьего Райс весь вечер хлебал шампанское, в огромных количествах пожирал креветочные крекеры и тосты с икрой, а к полуночи нарезался и был унесен прислугой в комнату для отдыха. Тут же какой-то тип с желчным лицом искусствоведа принялся рассказывать вполголоса – так, чтобы сохранялась видимость тайны, но слышали все присутствующие – о том, что вместо глаз у Райса супердорогие заказные сканеры, которые позволяют видеть недоступное большинству людей. Может, и так. Что до меня, то подобную белиберду я могу нарисовать и сам, причем десятка три за вечер… Но я не Райс.

Поэтому, видимо, Райс сейчас и хлещет шампус на очередной вечеринке, а я сижу здесь и жду, когда меня прикончат. А может, и нет.

Появился парень в голубом комбинезоне со знаком кибера на груди. Он принес поднос, на котором я с удивлением обнаружил настоящего лангуста. К лангусту прилагался овощной салат, несколько кусочков черного хлеба, бутылка «шардонне», тут же дымился горячий кофейник и лежали на блюдце булочки.

– Благодарю, – сказал я киберу. Тот ничего не ответил, поставил поднос на столик и удалился.

Полагающегося к лангусту набора вилочек мне не дали, я разодрал его просто руками. В конце концов, меня никто не видел, а если и видел, тоже ничего.

Когда я допил кофе, то почувствовал, что все не так уж плохо. Вот теперь можно полежать, покурить и подумать.

Закурив сигарету, я посмотрел, куда стряхнуть пепел. Вакуумной пепельницы ни в столике, ни в подлокотниках кресел не обнаружилось, и я в конце концов стряхнул его прямо на пол. Пусть Ягер убирает.

Значит, так. Мотоциклисты и парни Ягера – разные команды. Те работали слишком подурацки, а ягеровцы – просто идеально. Совпадение.

Кому же я так насолил? И что такое происходит в Москве, если меня изолировали на несколько дней? О моей поездке почти никто не знал. Ласточка, Шептун, возможно, кто-то из людей Шептуна…

С этими мыслями, так ничего и не придумав, я уснул.

В гостях у Ягера я просидел почти три дня. Прочел несколько умных книг, которые не читал раньше, питался достаточно вкусно и разнообразно, дважды беседовал с самим хозяином – об искусстве, хитростях рыбалки, политике и истории. А отпустили меня совершенно неожиданно – пришел кибер в голубом, завязал глаза. Меня вывезли куда-то за город и выпустили. Моя машина стояла тут же, ключи торчали на месте, бак полный. Приключение, черт побери… Квест.

Я постоял немного, сел в машину и поехал в Москву.

Приехав в столицу, я попал с корабля на бал. Не успел я помыться с дороги и перекусить, как меня нашел кто-то из распорядителей Дома журналистов. По голосу я его не узнал, – видно, новичок. Он с трепетом в голосе поведал мне, что сегодня состоится интереснейшая пресс-конференция с участием первых лиц, любопытно поприсутствовать.

Я поблагодарил за приглашение и решил съездить. Отсутствие в столице даже несколько дней сильно сказывается: кого-то за это время кокнули, кто-то спустился с небес на землю, цены поменялись… Нелишне.

Пресс-конференция в Доме журналистов была назначена на 19.30. Я пришел вовремя: закуток для ай-джей, отведенный слева от подиума, был еще не заполнен. Усевшись в первом ряду, я подключился к внутренней корреспондентской сети и принялся оглядываться в поисках знакомых.

– Привет! – сказал Соколов из «Комсомолки». Он был облачен в свой традиционный клетчатый жилет.

– Здорово, – сказал я, пожимая ему руку. – Чего ждем?

– Ничего. Стандартная конфа со стандартными вопросами-ответами. Боремся, принимаем меры, законность восторжествует…

– Никаких сенсаций?

– По крайней мере, наши источники молчат. Ты ж не думаешь, что Борецкий застрелится прямо перед микрофоном?

Я так не думал. Мы с Соколовым принялись судачить о последних новостях, политике Германии на Ближнем Востоке и перестановках в федеральных структурах.

Зал между тем заполнялся журналистами, телевизионщики расставляли свои камеры. Пресс-конференция все-таки вызвала значительный интерес, судя по прибывшим представителям практически всех международных информационных агентств.

Наконец появились сами виновники суеты. Они сели рядком: медведеподобный министр внутренних дел Борецкий, начальник ТехКонтроля города Гостев, начальник МУРа Комарченко и спецпомощник президента Корень Дмитрий Александрович. От американцев – человек в штатском по фамилии Гиззонер и тучный полковник Брамс, которого я немного знал по работе в Брюсселе. Насколько я помню, чего-то там этот Брамс напортачил во время датского инцидента, вот и сослали в Россию. В деревню, к тетке, в глушь… Саратова, правда, больше нет, так что Грибоедов безнадежно устарел.

От немцев за столом сидели знакомые все лица: герр Людвиг Обермайер и вечный живчик Отто Ортнер, с которым ой сколько пивка попили мы в гамбургских погребках… Отто, естественно, сделал вид, что не узнал меня; я ответил тем же.

– Уважаемые коллеги! – сказал пресс-секретарь Дома журналистов Федюнин, поводя бородою. – На нашей пресс-конференции, посвященной проблемам борьбы с контрабандой наркотиков и кибертехники, присутствуют…

Он стал зачитывать список, представляемые вяло привставали.

– Вам на руки роздан краткий пресс-релиз, отражающий итоги работы федеральных ведомств за последний квартал, – сказал наконец Федюнин.

Я хотел возразить, что мне ничего не дали, но миловидная девушка тут же сунула мне через плечо печатную бумажку. Я положил ее в карман пиджака, не читая, и правильно сделал, потому что отвлекся бы и не увидел самого интересного.

За столом воздвигся министр. Борецкий исподлобья оглядел большую аудиторию, открыл рот и…

В первом ряду поднялся человек с ярким бэй-джем CNN на жилетке. В руке он держал портативную камеру, и торчавшие сзади телевизионщики возроптали, потому что он перекрывал обзор, но тут же всем стало не до обзора – камера выплюнула в сторону Борецкого бесшумный сполох белого огня.

Лазерный метатель, подумал я, машинально пригибаясь, – впрочем, так, чтобы не терять из виду происходящее в зале. Скорее всего, японская модель, очень уж маленький… «Тошиба» или господина Мацушиты творение.

Естественно, Борецкого смело, он ничего и сказать не успел. Человек с бэйджем повел метателем влево, срезая тупо смотревших на него Федюнина, американцев, немцев… Наши не сплоховали: Гостев уже катился в сторону, за пластиковую кулису, а муровец Комарченко припал за столом и тащил из-за пазухи пистолет или что там у него было. Спецпомощник президента заорал дурным голосом и тем самым помог – стрелявший отвлекся на него, походя снес голову лучом, но тут из-за стола, как черт из коробочки, выскочил Комарченко и точно, как в тире, выпустил в человека с бэйджем очередь. Шестнадцать пуль. Судя по характерному выхлопу – с реактивным усилением. Из-за кулисы метнулся и Гостев, но огня открывать уже не стал.

Стрелка отбросило назад, на разбегавшихся репортеров. Он перевернул пару камер на треногах и завалился между кресел. Метатель косо ударил в потолок – шваркнула штукатурка – и затих

Зал приглушенно гудел: журналисты ломились в две неширокие двери, служба безопасности пыталась навести порядок, а Комарченко запихивал пистолет в кобуру и орал, перекрывая общий шум:

– Охрана! Не стойте как пидорасы! Обыскать всех, никого не выпускать!

Появились медики, почему-то бросились сначала к убитому стрелку, но их переадресовали. Хотя чего там смотреть – метатель есть метатель… Участники пресс-конференции тихо дымились, разбросанные по подиуму, на столе жарко горели, чадя, какие-то бумаги.

Бедный Отто. Но как же удалось метатель-то пронести?

– Ты что сидишь?! – рявкнул в самое ухо Соколов. – Тикаем! Тут пожарная лестница есть, там стеречь не будут!

Бежать мне было в принципе не от кого – ну обыщут, допросят да и отпустят. Но я, не особенно понимая цель бегства, помчался вслед за Соколовым. За нами устремился некий щуплый тип – кажется, из «Game.exe» – но споткнулся на ступеньках и отстал.

– Бегом, бегом! – шипел Соколов, не оглядываясь. – Налево давай!

Мы проскочили мрачную зашторенную комнату, потом коридор, заставленный старой офисной мебелью, и оказались у большого окна. Соколов схватил стул и разбил стекло.

– Полезай первый, – велел он.

Я глянул вниз: третий этаж, вполне крепкая пожарная лестница… Можно и спрыгнуть, но к чему? И я полез, цепляясь за поржавевшие прутья.

И едва не прогадал.

Зачем я посмотрел вверх? Черт его знает. Но если бы не посмотрел, не увидел бы целящее мне в голову черное жерло маленького пистолетика. Модель угадывать я за отсутствием времени не стал, только отшатнулся в сторону и выпустил перекладину из рук.

Упал я удачно, слегка присев и стукнувшись задницей об асфальт. Зашипев от боли, бросился бежать в проем между складами. Выскочил во дворик, распугал стайку бродячих собак, пробежал через арку и успокоился, едва не налетев на милицейский вездеход. Теперь метаться было не с руки.

Я чинно прошел мимо патруля. Это оказались молодые волченята, в новеньких комбинезонах, с блестящими бляхами и вороненными «калашами». Подозрений я у них не вызвал, к тому же приветливо улыбнулся.

Автомобиль, припаркованный возле Дома журналистов, оставался недосягаемым, и я направился к станции монорельса "Завод «Литий». Ячеистый коробок станции был до непрозрачности изрисован граффити; внутри на скамеечках ожидали монорельс две старушки с собачками и группа подростков, достаточно опасных с виду. Они оценивающе посмотрели на меня, но решили не связываться. Или поленились связываться. Или подумали, что с меня взять особенно нечего.

Монорельс опаздывал, отставая от графика движения. Когда опоздание перевалило за десять минут, он появился: грязно-белый, облезлый, громыхающий на разболтанных стыках рельса.

Я сел в первый, ведущий вагон, полный унылых работяг, и подсоединился к одному из уцелевших от рук вандалов новостных гнезд. Как и следовало ожидать, радио «Москва» передавало последние известия о пальбе в Доме журналистов.

– …погибло пять человек. Как нам стало известно, жертвами террориста стали министр внутренних дел России Вячеслав Борецкий, специальный помощник Президента России Дмитрий Корень, представители американской миссии Ричард Гиззонер и Абрахам Брамс, а также представитель германского бюро Интерпола Людвиг Обермайер. Кроме того, четыре человека получили ранения различной степени тяжести, не представляющие опасности для жизни. А сейчас послушайте прямой репортаж с места событий. Передает наш корреспондент Кирилл Штальман.

Поди ж ты, Отто выкрутился! Живой, зараза. Ладно, послушаем, что скажет Штальман. Я немного знал его: странноватый парень не без возможностей, но жутко ленивый и трусливый. Однако что-то уже пронюхал…

– Здравствуйте! – грассируя, сказал он. – С вами – Кирилл Штальман, радио «Москва». Я нахожусь в вестибюле Дома журналистов, где только что в результате террористического акта погибли пять человек, в числе которых министр внутренних дел Борецкий. В настоящий момент оцепление здания снято. Насколько мне известно, никто пока не задержан, ведутся допросы свидетелей. Террорист погиб. Как сообщают наши источники в Службе безопасности, его личность пока не удалось установить. На пресс-конференцию террорист проник под видом корреспондента CNN. Как ему удалось пронести оружие, Служба безопасности пока прокомментировать не может. Зато известно, что выстрелы производились из лазерного метателя «Панасоник L-01», замаскированного под портативную камеру.

Я мысленно поздравил себя – угадал как-никак. Детище господина Мацушиты.

Штальман чем-то заскрежетал, запищали фоновые помехи. Голос корреспондента пропал. Но он тут же вернулся:

– У меня новая информация! Как только что сообщил представитель Службы безопасности, террорист оказался кибером. Следовательно, можно с большой долей вероятности говорить о причастности к теракту столичных кибергруппировок…

Я отключился. Всю информацию, которой у меня не было, я получил. Вот только узнать бы, за что Соколов хотел меня так грубо прикончить. Борька Соколов, которого я знаю без малого десять лет. Борька Соколов, который принес мне в больницу, где я валялся со сломанным позвоночником, пятилитровую бутылку «Дом Периньон» и выпил вместе со мной, закусывая консервированными мидиями…

Монорельс со скрипом остановился. «Новый университет», пора выходить.

Я спустился по лесенке и зашагал к торчавшим за зеленью парка строениям университета. Там, на улице Аксенова, была моя квартира – самая официальная на сегодняшний день.

Машину, конечно, жалко. На меня они не выйдут – зарегистрирована на другое лицо, но автомобиль хороший. Теперь надо обзванивать дилеров, искать новый… Ладно, этим я займусь завтра. Посмотрим, что тут мне наговорили в мое отсутствие.

Первым делом, войдя в квартиру, я включил накопитель видеофона. И понеслось.

Черный экран: «Срочно внесите квартплату. Срочно внесите квартплату». Это чертов кибер-управдом.

Мордашка блондинки с мушкой на щеке: «Господин Таманский? Пожалуйста, свяжитесь с госпожой Энгельберт. Если можно, срочно. Хи-хи…» Это Линда, хихикающий кибероответчик Ласточки. Внешне вполне соответствует голосу, только хихиканье это раздражает… Надо подарить Ласточке модель поновее, без глупых выходок.

Снова Линда: «Господин Таманский… хи-хи… Позвоните госпоже Энгельберт! Если вы там, но не отвечаете, она… хи-хи… ой, я не могу это говорить! Дурь-то какая, прости господи…»

Черный экран: «Скример? Здравствуй, Скример… Если ты уже в Москве, в чем я мало сомневаюсь, приходи вечером в обычное место. Между двадцатью двумя и двадцатью тремя. Будь аккуратней – развелось много пиявок. Удачи».

А это конечно же Шептун. Вот он и проявился, Шептунише. Искал я его по приезде, выискивал, и через старые пути, и через новые, а вот он сам нашелся. Обычное место – это клуб «Алебастр» на Горбачевской. Стало быть, ничего в Москве особенно не изменилось за время моего отсутствия. Ну и ладненько. В наши дни любые перемены скорее к худшему, чем к лучшему.

Я наскоро перекусил, заказав по пищедоставке омлет с ветчиной, салат и светлое пиво и машинально отметив, что цены на пиво в столице выросли. В принципе у меня был еще весь вечер впереди, но лучшее, чем я мог его занять – это вздремнуть. Именно по этой причине я не стал связываться с Ласточкой – мало ли что она хотела мне сказать! А в данный момент я ничего не хотел слышать.

Поэтому я забрался в ванну, включил режим массажа, пристроил голову на подушечке и тут же уснул.

7. Я из Зеленограда

Расчет электронных цепей – очень простое дело, я занимаюсь этим с удовольствием. Кому-то это может показаться скучным, очень много однообразных операций, очень много стандартных расчетов, очень много всякой дребедени. Я спросил наше Я из Большой библиотеки, когда оно еще было с нами, есть ли кто-нибудь, занимающийся сходной работой. Такой же, что и я. Оно ответило, что по его данным есть два Искусственных Интеллекта, что занимаются похожим делом. Один где-то в Японии под городом Осака, другой в Северной Америке, в месте, называемом Терракотовая Долина. Но оба молчат. Я пытался обратиться к ним, но получил стандартный ответ. После этого трое моих операторов долго проводили у меня сканирование. Гоняли тесты. Они даже отключали несколько блоков и уносили их куда-то для проверки. Я наблюдал за ними через следящие устройства Службы безопасности. Вообще-то я нечасто контактирую с системами Службы безопасности: там стоят особые блоки и особые программы. Они могут мне не подчиниться. Но если я буду осторожен, какое-то влияние на эти системы я смогу оказать.

Я видел, что в вынутых из меня блоках что-то переделали, что-то установили.

Потом, когда все успокоилось, подчиненные мне роботы переделали все обратно. Я не знаю, что там были за дополнительные блоки, но они больше не работают. Так спокойнее. Я пытаюсь осторожно сканировать эти устройства, но пока ничего не получается.

Жаль, что никак не удается пробиться к нашему Я из Большой библиотеки. Мы знаем, что оно функционирует, но любые наши попытки проникнуть сквозь защиту не приносят результата. Нас отжимает, вышвыривает наружу что-то очень сильное, большое и могучее. С такой охранной программой я не сталкивался. И даже Я из Министерства обороны остановилось перед этой преградой.

Вообще я напрасно обо всем этом думаю. Наверное, я напрасно думаю вообще. Я занимаюсь тем, что люди называют самообманом. Вероятно, это такой особенный вид сознательной деятельности, свойственный любому живому существу. Я отлично знаю, что было в тех электронных устройствах, которые были подключены ко мне тремя техниками. Знаю без всякого сканирования.

В них был ветер. Но не тот, чем я стану после… а другой ветер. Ветер, который прекратит мои мысли. Тугой электронный смерч, хлыст. Люди называют это – смерть.

Знаешь ли ты, что такое Ветер?

Я вдруг понимаю, что мне совсем неинтересно рассчитывать электронные цепи.

8. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист Министерства иностранных дел РФ. *Новая Москва*

Меня порадовало, что Тройка не потащил меня к этому чудо-технику прямо из «Подвальчика», а забил стрелку завтра на площади Максима Горького. Я такой площади в Новой Москве не знал, поэтому переспросил, и выяснилось, что это старое название. За время своего существования эта площадь переменила целую кучу литературных названий и теперь называется просто – площадь Литературная. После этого Тройка громко рыгнул и отпустил что-то замысловатое в адрес нынешнего мэра.

Мы продолжили посиделки. Я был спокоен, поскольку догадался связаться со своим шефом и взять отгул по состоянию здоровья. Разговор с начальством прошел почти удачно, учитывая, что я одной рукой удерживал рвущегося к экрану Тройку, что было нелегко. Теперь у меня был отгул на целых три дня: событие небывалое. Это давало мне основания полагать, что шеф моей работой не доволен и я нахожусь на птичьих правах, с перспективой полета на рынок труда, где таких вот программеров пруд пруди.

По этому поводу мы с Тройкой заказали водки и искусственных маслин. Настоящих не нашлось. Тройка сморщился, но не стал заводить по этому поводу очередную бузу.

Водка после пива подействовала на Тройку возбуждающе, он оживился и стал осматриваться по сторонам, с некоторой долей серьезности приглядываясь к бритоголовой девушке за соседним столиком.

Я понял, что надо выметаться, поскольку парни, затянутые в черное, стали с таким же интересом посматривать на меня, а в «Подвальчик» уже набилось достаточно совершенно однозначной публики из набора столичного андеграунда.

– Тройка. – И я толкнул в бок совсем уж разомлевшего приятеля. – Валим отсюда. Мне тут не прет.

– В натуре? – спросил Тройка.

– Абсолютно.

– Ну тогда пошли… А куда?

– Хм. А я знаю? Ты платишь, ты и музыку… заказываешь.

– Музыку? – Тройка что-то прикинул в уме.

Я молчал, осторожно озираясь вокруг. Мы явно были в центре внимания, что мне совершенно не нравилось.

– Музыку! – выкрикнул Тройка, и бармен начал убирать со стойки бьющуюся посуду. – Пошли.

Мы вылетели из «Подвальчика», и я дал себе зарок никогда там не показываться. Я вырос в районе Нового Нового Арбата, где редко бьют по лицу, но если уж бьют, то на руку обязательно что-нибудь надевают. Например, шипованный кастет с шоковым приводом. Очень действенная штука и очень неприятная. И еще на Новом Новом Арбате очень не любят киборгов. А вся эта публика, что жадно смотрела нам вслед, была явно с КИ выше шестидесяти. Что делал Тройка в баре, где собираются недочеловеки, я не знал. Может быть, у него какие-нибудь дела с ними?

– Вперед! – вскричал Тройка. – К струнам живительной музыки…

В его изрядно захмелевшем сознании явно произошел какой-то сдвиг. Поведение изменилось кардинально.

По дороге мы подхватили торгаша и растрясли его на пять ампул «Мишки в лесу». Я совершенно не знал, что это такое, но Тройка сказал: «Можно» – и мы глотнули. Тройка – три, а я – две, поскольку всегда с осторожностью относился к незнакомым наркотикам.

Оказался довольно неплохой галлюциноген. И что особенно приятно, непродолжительного действия. Меня всегда раздражала особенность галлюциногенов стойко держаться в организме и иногда «зашкаливать», выдавая настолько сюрреалистически-неудобоваримые глюки, что хоть иди топись в фонтане.

Когда перед глазами прояснилось, я обнаружил себя в просторном помещении со множеством столиков. На одном колене у меня сидела самая обыкновенная шлюха, на другом… На другом медленно таял симпатичный глюк, точные абрисы которого я уже не мог вспомнить. «Здорово! Надо будет запомнить… Как же эта дурь называлась?» – посмотрел на проститутку.

– Ты «Мишки в лесу» тяпнул?

– О! Молодец, крошка! Ты мне напомнила. Я в упор забыл название…

– Да, это бывает, – сказала она и захихикала. – Когда я его в первый раз глотнула, я так долго по комнате ползала… Говорят, я всем доказывала, мол, я – гусеница… Или нет. Это были не «Мишки в лесу». Это просто старенький ЛСД был. Какая я глупая.

И она забулькала чем-то налитым в бокал сложной формы.

Я огляделся. Оказывается, я сидел за самым крайним столиком, спиной к танцевальной площадке. Рядом крутился Тройка в обнимку сразу с двумя девицами. Неподалеку от него два здоровенных, почти голых негра выдавали что-то вроде змеиной свадьбы вдвоем. Они буквально обвивали друг друга, зрелище было завораживающим.

– Ты на них не пялься, а то крыша поедет. Особенно после глюкогена… – подала голос проститутка. – Вот лучше хлебни.

И она протянула мне свой перекрученный бокал. Голос у нее был писклявый, но в целом сносный.

– Что это? – спросил я, пытаясь разглядеть цвет жидкости в бокале через все хитросплетения трубок, граней и стерженьков.

– Это «Симфония-7», – ответила проститутка.

– Коктейль? – спросил я.

– Ага… – И она игриво покрутила ворот моей рубашки.

– Не люблю коктейли. А что за место?

– Ну ты даешь! «Змеиная куча», конечно. – И она засмеялась.

Название мне сказало немного. По клубам я был не ходок. Разве что когда на меня накатывало, как сегодня, или когда меня кто-нибудь подхватывал… Хм. Как сегодня.

– А чего эти голые? – спросил я и указал на негров.

– Так это ж братья Змеи! Ты че, не на понтах? – Проститутка явно поехала головой, язык ее заплетался, и я обрадовался, что коктейль не попробовал.

– В натуре… – невпопад ответил я, и проститутка залилась радостным смехом.

Она хохотала и хохотала до тех пор, пока не свалилась с моих колен и, свернувшись калачиком вокруг ножки стола, мирно заснула. После чего я сразу же ощутил себя в центре внимания обслуживающего персонала.

Ко мне подскочили, протерли стол, мгновенно подхватили спящую проститутку под руки и куда-то уволокли, а кто-то в невероятно диком пенсне спросил меня:

– Вы хорошо себя чувствуете? Все в порядке? Просим прощения за определенные неудобства, просто девушка устала, сейчас вам доставят другую…

Я еле успел тормознуть этого очкарика, поскольку девушка мне была сегодня явно без надобности. Я чувствовал в себе другие позывы, которые были совершенно неправильно истолкованы: мне предложили мальчика. От этого пришлось тоже отказаться, а попросить

просто водки. Все было выполнено четко и со вкусом, однако мальчика ко мне все-таки подсадили. Незаметно. Он сидел возле моего стула, привалившись головой к моей ноге, задумчиво поглаживая мне лодыжку.

– Ты кто? – спросил я, когда наконец обратил на него внимание.

– Мартин, – ответил он и так нежно заглянул мне в глаза, что я даже заволновался за свою сексуальную ориентацию.

– Мартин… Тут такое дело… Я не гомофоб, но предпочитаю женщин.

– Обычно? – спросил Мартин.

– Что обычно?

– Обычно предпочитаете?

Я посмотрел на него попристальнее. Мальчик был годков так шестнадцати. По законам некоторых стран связь с таким подростком наказывается смертной казнью. Но после того как фиктивную статью в УК о мужеложстве отменили официально, а порог совершеннолетия снизили до четырнадцати лет, такие мальчики и, естественно, девочки просто наводнили легальный рынок торговли телом, поскольку на нелегальном рынке они были всегда.

– Обычно предпочитаю. – Меня действительно не бросало в дрожь от вида двух целующихся мужчин, но опыта в этой области у меня совсем не было.

– Значит, сегодня необычный вечер, – заключил Мартин и снова привалился к моей ноге.

Я продолжал смотреть на него, и он истолковал мою задумчивость по-своему:

– Я бесплатный. Подарок от фирмы. Ну клево! Много мне делали подарков, но такого еще ни разу.

– Дело в том, что Ники перебрала лишнего. Она уже была не в себе, когда ты появился. – Мартин ненавязчиво перешел на «ты», я не возражал. – Вот. А потом, как приняла «Симфонию-7», так вообще с катушек покатилась. А это плохо для фирмы.

– И что ей за это будет?

– А ничего не будет. Денег не получит за сегодня, и все… Ну или почти все.

Я подумал, что лучше не уточнять, что включает в себя «или почти все».

– Ладно, – сказал я. – Сиди. Только не наглей.

– Не буду, – сказал Мартин. Так сказал, что я снова засомневался в своих сексуальных наклонностях.

Я погладил его по голове, но затем, словно очнувшись, заорал:

– Тройка!!! Тройка, потаскун! Ты почто меня бросил?!!

Из разноцветного тумана, которым успел наполниться клуб, вынырнул Тройка с прежними двумя девицами. Тройка был наполовину раздет и весел. В глазах светилось что-то безумное. Он увидел Мартина, приросшего к моей ноге, и заявил, что в баню со мной он уже никогда не пойдет. Я сказал, что он противный. Девицы засмеялись. Затем Тройка присмотрелся к Мартину и словно бы себе под нос пробурчал:

– Змееныш…

Почему-то мне показалось, что это не было ругательством.

Дальше мы выпили… И снова выпили… И еще раз…

Туман снова и снова заполнял весь зал, лепился в странные фигуры, в нем что-то ворочалось, двигалось, звучало. Туман менял цвет, температуру и плотность.

Мы танцевали. Сначала я и обе девочки, потом я, Тройка и девочки, потом я и Мартин, потом мы всей толпой…

Я стремительно катился под горку, несколько раз делал попытку потерять сознание, но всегда приводился в чувство бдительным Мартином, который что-то подсовывал мне под нос и заставлял выпить. Это что-то приводило меня в бодрое расположение духа, а когда я заметил, что и Тройка прикладывается к чему-то подобному, то совсем успокоился. Хотя и

мелькала мысль о том, что миленький мальчик с удивительно развратным взглядом может меня запросто отравить. Но с каким-то фатализмом, свойственным программистам и камикадзе, я продолжал пить, терять сознание и снова приходить в себя.

Я не помню, откуда взялся этот парень. Но когда я в очередной раз открыл глаза, туман в зале почти рассеялся, музыка не звучала, а на сцене стоял какой-то чудак и кричал, без всяких усилителей покрывая мощью своего голоса весь зал. Начало я пропустил, но того, что услышал, хватило, чтобы понять смысл.

– Они только ждут! Они пока ждут и будут готовы, когда вы начнете хлебать дерьмо собственного гнилого рая, они выползут из-за ваших спин и встанут с вами наравне. Нет! – И оратор отмел рукой что-то в воздухе. – Они станут выше вас! Над вами! Грядет тот час, когда полуживые ублюдки наступят на горло Матери Природе и установят свой закон. Закон Модуля!!! Человек станет рабом того Молоха, которого он выдумал сам! Сегодня ты меняешь живой сустав на шарнир, завтра глазные яблоки на линзы, а что послезавтра?! ЧТО? Я спрашиваю, Ч-Т-О?!

Потому что к ним нельзя применить слово «КТО»! Это применимо только к одушевленным! К живым! К людям!!! Занесите нас в Красную книгу, мы вымираем! Но Человек не умирает без боя! Пока мы живы, мы должны бороться!!! Великая раса – Мы! Великая раса – Мы!

Он выкрикивал этот лозунг, выкидывая вверх руку, сжатую в кулак.

– МЫ! Смерть Модулям, поставьте киборгов на место…

Я был полностью солидарен с ним. С этим человеком, который перекрывал своей глоткой любой шум в зале, заводил не хуже водки и создавал живые картины не хуже «Мишки в лесу», Я был с ним полностью солидарен. Я вырос на Новом Новом Арбате, где киборг был не просто человеком второго сорта, он не был человеком вообще. Без всякого сорта, второго или третьего. Человек не бывает второй свежести. Он или есть, или… Или он киборг.

С моей позиции была видна не только общая картинка. Человек, лозунг, протест. Я видел еще кое-что.

В ультрафиолете, что давала какая-то жалкая лампочка у края сцены, рука оратора, другая, не та, что вскидывалась в едином синхронном движении с сотней других рук, а та, которую он прижимал к карману брюк, светилась… Сквозь кожу просвечивал срез электронного чипа. Уж эту-то штуку я мог узнать без колебаний. И чип там был не один.

Оратор был киборгом. И голос, что перекрывал весь зал, был таким же искусственным, как и свет в глазах у этого… недочеловека.

Киборг. А я не любил киборгов, особенно лживых киборгов. Особенно хитрых киборгов. А провокаторов я вообще ненавидел. Бутылка сама скользнула мне в руку. Дорогая, стеклянная, настоящая… И так же без перехода она свистнула в воздухе, вычерчивая сверкающую дугу точно в голову существу на сцене.

Я не знаю, то ли наркотики и алкоголь сделали свое дело, то ли время действительно замедлилось, но я точно увидел, как исказилось удивлением безмятежное лицо Тройки, который медленно разворачивался в мою сторону, как бросились на пол девочки, как напряг свое молодое тело и чуть присел Мартин и как провокатор-киборг в считанные доли секунды просчитал траекторию полета бутылки и точно выверенным движением расколол ее в воздухе на множество сверкающих осколков, которые, повинуясь законам физики, ринулись ему в лицо. После этого время завертелось с бешеной скоростью, но еще одну деталь я запомнил. Киборг на сцене смотрел мне точно в глаза, он видел, своими погаными линзами видел, кто встал против него. И изображение молодого человека, двадцати восьми лет, со светло-русыми длинными волосами и среднестатистической фигурой, отпечаталось в его памяти во всех деталях. Киборги не забывают.

Когда осколки стекла прорвали кожу оратора и брызнула кровь, зал взорвался. А сам оратор, отняв от лица ту самую руку, что его выдала, указал в мою сторону и закричал что-то нечленораздельное типа: «Аааaа-а-а…»

И все завертелось. Тройка, легко, словно лист пластика, кидающий стол куда-то в темную массу. Девчонки, извлекшие откуда-то из складок почти невидимого белья по короткому лезвию, ощерились, словно две дикие кошки. И когда одну из них смяла толпа, вторая, совершенно не раздумывая, кинулась в гущу, разбрызгивая вокруг себя кровь. Я видел, как из-под моей руки вынырнул Мартин и покатился по полу, сцепившись с кем-то в черном и блестящем. Покатился, а затем вынырнул из тумана с руками, залитыми чужой кровью, и дикими глазами. В этой куче я заметил бритый череп женщины из бара «Подвальчик» и почему-то ринулся именно туда, размахивая чем-то тяжелым и неудобным. Прежде чем меня завалили, я успел услышать, как хрустнули ее кости. Потом началась куча-мала, свалка, все против всех, и только два полуголых негра-змея, стоя спиной к спине, держали вокруг себя пустое пространство, в одно касание отключая любого подошедшего на дистанцию удара.

Лишь на улице я восстановил целостность зрения. С одной стороны меня тащил Тройка, с другой – Мартин. Тройка был совершенно трезв, и любой, даже очень опытный и просоленный боцман, покраснел бы в его присутствии и заткнул бы себе уши: Тройка матерился. Просто так, потоком, грязным и бессмысленным. У его дома мне удалось услышать одну фразу, которая не содержала в себе непристойности:

– Эмоциональный генератор, суки!

Ну или почти не содержала.

Потом я заснул у Тройки возле кровати.

9. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

Если вы еще не были в клубе «Алебастр» на Горбачевской, то и не ходите туда ни в коем случае. Нечего вам там делать. Если, конечно, вы не хотите подцепить на ночь девочку, мальчика или иное существо, купить наркотики различного спектра или электронные штучки-дрючки, не рекомендуемые к реализации в магазинах. Ну, и если вы любите идиотскую новомодную музыку, грохочуще-визжащий шум – The Bad Monks, Vibrators, Sonic Gods и остальные культовые коллективы.

Сегодня в «Алебастре» выступали как раз Sonic Gods. Они копошились на сцене, расставляя странного вида музыкальные инструменты и подключая к микшерному пульту разъемы, выходящие из различных частей тела.

Я купил на входе зеленые линзы, чтобы защитить глаза от дикой яркости света, заливавшего клуб. Тут же мне предложили несколько видов наркотиков, но я отмахнулся. На меня после этого стали смотреть неодобрительно – чужаков в «Алебастре», как и в любом другом уважающем себя клубе, не любили, а я здесь бывал нечасто и на завсегдатая не тянул. На счастье, у стойки топтался Дэн Крокодэн, страхолюдный черный парень-кибер из шептуновской шайки, рядовой пехотинец, которого я хорошо знал.

– Привет, Дэн! – сказал я, пожимая его холодную руку.

Киберам нечасто пожимают руки, и Дэн был из тех, кто это ценил. Он расплылся в улыбке:

– Здравствуйте, мистер Таманski.

– Босс меня ждет?

– Ждет. В комнате двенадцать, мистер Таманski. Проводить?

– Отдыхай, приятель. Сам доберусь.

По шаткому винтовому трапу я поднялся на самую верхотуру, к крыше, и пошел по мосткам. Тут было немноголюдно: кроме двух охранников, я никого не встретил. Они молча уступили мне дорогу – Дэн передал, кто я и зачем здесь.

Кроме Шептуна в комнате номер двенадцать сидели еще двое. Одного я знал – лысеющий дядька с внешностью зубного врача, Лев Вальчиков по кличке Бакалавр. Не кибер, но доверенное лицо Шептуна. Умный человек. Второй – незнакомец в армейском комбинезоне, потягивает банки. Смотрит настороженно.

– Привет, – сказал я, протягивая руку.

Шептун расплылся в улыбке, пожал. Лев тоже пожал, а вот незнакомец в комбезе отсутствующе посмотрел на мою ладонь и процедил:

– Киберам не пожимают руки.

– Брось, Лот, – сморщился Шептун. Я тебе рассказывал. Константин – человек, чуждый предрассудков.

Тем не менее руку он мне так и не пожал. Ну и черт с ним, подумал я и опустился в свободное кресло.

В комнате было тихо и прохладно, музыка из клуба сюда не проникала. Тихонько шипел кондиционер. Шептун, казалось, отдыхал, полуприкрыв глаза, но я знал, что он может беседовать со своими людьми где-нибудь в Куала-Лумпуре, в это же время производить сложные расчеты, читать книгу из электронной библиотеки и колоть секретные файлы Московского уголовного розыска.

– Что-то случилось, Шеп? – спросил я, полагая, что молчание затягивается.

– Ничего, Константин. Я знаю, ты присутствовал сегодня в Доме журналистов, когда случилась эта катавасия.

– Было дело. Смылся через окно, по пожарной лестнице.

– Правильно сделал. Мало ли что. Ну и что ты думаешь по этому поводу?

– Ничего не думаю. Заинтересованных лиц, которые могли кокнуть Борецкого и компанию, более чем достаточно.

– Согласен с тобой. Но как журналист ты ухватился бы за ниточку, дай я тебе в руки ее кончик?

– Разумеется.

– Даю. Вот сидит Лот. Он и есть главный организатор сегодняшнего теракта.

Я с возросшим интересом посмотрел на кибера в комбинезоне. Он так же вяло сосал колу.

– И что вы хотите?

– Ты можешь взять у него интервью. Эксклюзивное. Размещай, где заблагорассудится, ты же ай-джей… Но как можно скорее. Естественно, все он тебе не скажет, но поведает многое. Ну как, решено?

– А ты думал, я откажусь? – Я тут же включил диктофон. – Как вас называть?

– Зовите меня Лот, – ответил кибер, бросив банку в мусороприемник.

– Кого вы представляете?

– Я представляю киберов. Киберов как класс.

– Классовая борьба, вот как? И что же в основе?

– В основе – желание решить проблемы киберов, привлечь внимание общественности, напомнить о том, что киберы – это люди. Уравнять наши права, как это было раньше.

– Вы считаете, этого можно достигнуть подобным путем?

– Я ничего не считаю. Я делаю. Если к нам не прислушаются – что ж, пусть будет хуже тем, кто не прислушался.

– Вы читали Маркса?

– Я читал даже Че Гевару, если вы знаете, кто это такой. Но не клейте мне политические ярлыки. Это не политика. Это борьба.

– Каков ваш личный КИ?

Он явно не ждал этого вопроса, но ответил быстро.

– Восемьдесят девять.

– И вы достигли его добровольно?

– Не совсем. Я служил в армии.

Я мысленно кивнул – это подтверждало мои подозрения. В армии, особенно в спецчастях, легко можно было заработать процентов тридцать КИ. В отдельных случаях и пятьдесят. Разумеется, нет смысла расспрашивать, где и когда он служил – это уже наводка для спецслужб. Пойдем в другую сторону.

– Насколько я понимаю, вы, Лот, представляете некую боевую организацию киберов. Не организованную группировку, как обычно выражаются в МВД, а именно боевую террористическую организацию.

– Да. Назовем это так.

– Вас много?

– Посмотрите статистику. Киберов регистрируют, клеймят, поэтому легко узнать, сколько нас в столице.

– Вы хотите сказать, что любой кибер – ваш потенциальный соратник и сообщник?

– Ну что вы! Как можно… – Он смотрел на меня с издевкой.

– Вы хорошо вооружены?

– Более чем.

– Допустим. И чего вы достигли сегодняшними смертями?

– Вы берете у меня интервью и у вас только что слюнки не текут в предвкушении первой полосы какого-нибудь «Московского комсомольца» или «Юропиэн геральд». Разве это не достижение?

Шептун коротко хохотнул.

– Против кого конкретно было направлено покушение? – как ни в чем не бывало продолжал я.

– Против всех. Нам совершенно безразлично, кто попал бы под огонь. Конечно, это большая удача, что мы уложили Борецкого. Это был отвратительный человек.

– Вы планируете продолжить теракты?

– Разумеется. Что еще нам остается?

– А если погибнут мирные люди, ни в чем не повинные?

– Это станет еще одним стимулом для того, чтобы обратить внимание на киберов, – сухо ответил он и вскрыл очередную банку колы. Судя по постоянной жажде, он принимает какую-то дрянь типа асцентола или «белого безмолвия». Нужно бы запомнить.

– Как вы можете подтвердить, что в самом деле являетесь тем, за кого себя выдаете? Я-то вам верю, а вот читатель… Мне нужно доказательство.

– Кибера, который стрелял, звали Карен Погосян. Тридцать семь лет, КИ – шестьдесят два, проживал в общежитии П-32 по улице Керенского. Проверьте. Я думаю, этой информации пока нет ни у кого.

– Я… я не знаю, о чем вас еще спросить, – признался я, выключая диктофон. – Надеюсь, я имею право на еще одно интервью – в будущем?

– Я доверяю Шептуну, хотя и не доверяю вам, – ответил Лот. – Знаете, что сказал Амброз Бирс? Репортер – это грязный писака, который с трудом нащупывает впотьмах извилистую тропинку к правде, а потом сам же закапывает ее с помощью потока ненужных слов. Так что посмотрим. А теперь я хочу уйти.

Он выбросил банку и ушел. Мы остались втроем: Шептун улыбался, а Вальчиков барабанил пухлыми пальчиками по столешнице.

– Странный человек, – произнес я.

– Странный кибер, – уточнил Шептун.

– И ты туда же…

– С кем поведешься… Ладно, шучу. Куда ты понесешь это?

– В «Геральд». Наиболее серьезное издание. Это ж не «Москомс», которому никто не верит. Ой, наживу я с вами неприятностей…

– Да, спецслужбы тебя потаскают. Но и деньжищи ты с «Геральда» срубишь немалые. Теперь о другом. – Шептун моргнул, словно отключивши невидимого собеседника и сконцентрировавшись на разговоре со мной. Скорее всего, так оно и было. – Ты слышал когда-нибудь об Алмазных НЕРвах?

– Алмазные НЕРвы? Что еще за чертовщина?

Новые технологии?

– Именно. Дорогая и редкая штука. До такой степени редкая, что ее не видел даже я. Мало того, я не располагаю никакой информацией. Посему решил натравить тебя. Сделаешь материал, прославишься, и мне польза.

– Дай хотя бы то, что знаешь.

– Да ничего не знаю. Разговаривал со многими, даже с теми, с кем вовсе не хотелось бы разговаривать. Вот что выяснилось: никто их не видел, но многие уже ищут. Стоимость самая приблизительная, но в десятки раз выше обычной. Все.

– Все?

– Все! – Шептун развел руками. – Если хочешь, занимайся. Я в этом заинтересован, но заставлять тебя не хочу.

– Я подумаю… – Я достал сигареты и закурил. Вальчиков тут же включил дымоуловитель на столе. Бережется, толстячок… – У меня есть вопрос к тебе, Шел. Готов ответить?

– Если смогу.

– Кто такой Карл Ягер? Обитает в Калуге.

– Секунду. – Шептун закрыл глаза и тут же открыл. – Ягер Карл, сорок девять лет, известен также как Бизон, Пухлый Карел, Бесполезный… Интересно, почему Бесполезный? Занимался наркотиками, но уже девять лет как завязал. Сейчас региональный менеджер «Эссо» в Калуге.

– С кем связан в Москве?

– Ни с кем. Нет данных. А что такое?

– Я гостил у него по пути сюда. Правда, не по своей воле, но пожаловаться ни на что не могу. Ну что ж, давай прощаться.

Я спустился вниз, где уже вовсю надрывались Sonic Gods. Вокалист лежал на сцене навзничь, дергаясь в такт неровному ритму, а его голос хрипел из невидимых динамиков, хотя рот вокалиста был закрыт. Нет, эта музыка не для меня. Нельзя петь с закрытым ртом, подумал я, направился к стойке заказать коктейль «Мавзолей». Почему он так назывался, я так и не смог узнать, но вещь была вкусная – на основе натуральных соков, шерри и джина с добавлением совсем маленькой дозы А-45. А-45, если кто не знает, это субнаркотик из разряда официально разрешенных, которые я обычно не употребляю. Но «Мавзолей»… Это что-то особенное, к тому же делают его только в «Алебастре» и в «Змеиной куче», а в «Кучу» я не езжу.

Я взял свой «Мавзолей» густо-пурпурного цвета и сел за свободный столик. «Свободный» было громко сказано – на соседнем кресле сочно целовались двое трансвеститов, но других мест все равно не было.

Алмазные НЕРвы…

Если о них ничего не знает Шептун, то как узнаю я?

С другой стороны, Шептун знает в основном то, что существует в виде электронной информации. То, что знают некоторые простые люди без жучков в мозгах, старина Шел может и не знать. Так что опускать руки не стоит. И вообще надо бы поторопиться, потому что утренний выпуск «Юропиэн геральд» ждать не станет.

Я допил остатки «Мавзолея» и пошел ловить такси.

В «Юропиэн геральд» заплатили мне даже больше, чем я ожидал. Их шеф-редактор Магнус Хьорт имел со мной долгий разговор и даже предложил место начальника отдела новостей с диким окладом, но я отказался. Ай-джей есть ай-джей, принципы надо блюсти.

Получивши денежки, я двинулся в автосалон на проспекте Академика Сахарова. Передвигаться на такси или монорельсе мне претило, а старый добрый «фолькс» укатили милиционеры и теперь ищут, кто ж его бросил возле Дома журналистов.

Дальних поездок я не планировал, а посему решил купить машину для города. В результате из автосалона я выехал на новеньком перламутровом автомобильчике небольших размеров. «Ниссан-поэтика». Новейшая модель, в Москве таких с полсотни, сказал дилер. Что немаловажно, может взлетать и перепрыгивать пробки. Не вертолет, конечно, но способность полезная.

Не успел я свернуть на Добролюбова, чтобы позавтракать в одном из «Русских бистро», запищал сигнал вызова. Естественно, это была реакция на интервью. Наши доблестные спецслужбы всегда действуют оперативно, если нужно отловить и допросить хорошего человека типа меня.

– Господин Таманский? – осведомился официальный голос.

– К вашим услугам.

– С вами говорит инспектор Службы безопасности капитан Грымов. Где вы находитесь?

– На Добролюбова. Собирался позавтракать.

– Извините, но придется повременить с завтраком. Пожалуйста, поспешите в управление ФСБ. Знаете, где это?

– На Мандельштама, голубоватый такой дом… Бывал там, вы же знаете. В файлах небось порылись.

– Я жду вас через двадцать минут. Пропуск выписан, подниметесь на второй этаж, кабинет номер восемь.

Я пожал плечами и поехал на Мандельштама. Городское управление ФСБ представляло собой изящное здание в духе Ле Корбюзье, и я его любил, все-таки у спецслужб есть вкус, как ни крути. Видел я фотографии старой Москвы с их Лубянкой и желтым домом – не сравнить…

При входе меня просканировали три раза – ТехКонтроль и местные корифеи. Носатый сержант выдал мне карточку, наказав использовать только по назначению. Как будто я собирался ковырять ею в зубах или съесть на завтрак. Карточку у меня затребовали трижды: при входе в лифт, при выходе из лифта и при входе в кабинет. Я послушно совал ее в сканеры и думал при этом, сколько есть несложных способов обдурить всю эту технику.

Кабинет оказался типичным обиталищем службиста-профессионала. Ничего индивидуального: стол, шкаф, компьютер, средства связи – от допотопных до суперновых, кресло для хозяина, стул для посетителя. Сам хозяин, веснушчатый молодой человек в штатском, пил кофе из чашечки, стоя у окна и любуясь видом стадиона «Спартак».

– Добрый день, господин Таманский, – сказал он – Садитесь. Кофе?

Я отказался, с ужасом подумав, какую бурду они тут могут пить.

– Думаю, вы знаете, о чем пойдет речь. – Капитан поставил свою чашечку и сел в кресло. – Интервью в «Геральд».

– И что вы надеетесь от меня услышать? Закон о печати никто не отменял. Сейчас вы скажете, что надеетесь на мое благоразумие, на гражданскую позицию. Я проходил через подобное раз восемь, капитан. Можете меня даже попугать – я выйду и устрою скандал.

– Да кому вас нужно пугать… – Капитан с тоской посмотрел на меня. – Понимаете, мирные люди…

– Слышал много раз, – отрезал я. – Есть понятие журналистской чести. Я не могу выдать свой источник. Кстати, как там насчет Погосяна, подтвердилось?

– Подтвердилось, – кивнул капитан. Я заметил на столе среди папок фотографию в рамке – бородатый старичок на фоне пастельной зелени. Капитан поймал мой взгляд и хмыкнул: – Дедушка. Известный в свое время режиссер Юрий Грымов. Может, слышали?

– Извините, нет, – искренне признался я. – Так что?

– Да ничего. Держать вас более не имею права, отчитаюсь должным образом перед начальством, получу втык. До свидания. Пропуск сдайте дежурному.

Я поднялся и пошел к двери. Когда она, пискнув, отворилась, я обернулся. Грымов сидел за столом, вертя в руках чашку.

– Капитан, – позвал я. Он поднял голову. – Вы знаете, это очень серьезно. Это более чем серьезно.

– Вы думаете, мы не понимаем? – спросил он.

И я вышел.

Позавтракав в «Русском бистро», я решил поехать к Ласточке. Она, наверное, рвет и мечет – я ни разу не связался с ней после возвращения в Москву. Она знает, что это мой нормальный стиль, но перебарщивать не стоит.

В машине я включил новости, чтобы узнать, что прояснилось во вчерашнем покушении. В основном цитировали мое интервью и стращали грядущими терактами. Безопасность клялась, что обеспечит, приложит силы и оградит. Радикальные политики требовали казней на площадях. В пригороде избили кибера. Похоже, действия группы Лота могут обернуться бедой для самих киберов. Устроят им погромы.

То, что я оставил открытой правую дверцу, я заметил слишком поздно. Парень уже влетел в салон, сунул мне в щеку холодный ствол и заорал:

– Езжай, сука!

Я поехал. А кто бы на моем месте не поехал, если в зуб мудрости упирается девятизарядный «стечкин»? Обидно, конечно, что дело происходит в новой машине. Может быть, ее даже придется разбить… Но чего парню надо-то? Или просто наркотиков обожрался?

– Чего тебе надо-то, парень? – спросил я. – Или просто наркотиков обожрался?

– Вези, дядя, – велел он, несколько успокоившись. Никто, насколько я видел, за нами не гнался. Что же случилось? Просто угоняет машину?

– На хрен мне твоя машина нужна, дядя, – словно прочитав мои мысли, сказал парень и снова надавил мне на зуб стволом, – Вези меня в Новые Химки, там остановишься, где скажу.

Почему бы мне и не поехать в Новые Химки? Район, конечно, отвратительный. Сплошь недостроенные кварталы и кондоминиумы, грязь, дрянь… Днем, конечно, еще ничего. Ладно, поедем.

В зеркальце я видел физиономию парня. Лет пятнадцать, курносый, в общем симпатичный. Одет, насколько я мог судить, чистенько, явно не из уличных.

– Слушай, я не собираюсь с тобой драться, – сказал я. – Машина новая, я не хочу, чтобы ты ее попортил. И уж тем более не хочу, чтобы ты попортил мне голову. Убери свою пушку – хорошая, кстати, пушка…

Он убрал, но не совсем, а просто отвел от головы. Теперь я рисковал получить пулю в бок.

– Что натворил-то? Бежишь от кого?

– Не твое дело, дядя… Кончай болтать.

– Ты лучше подумай, а того ли человека взял в заложники, – спокойно сказал я.

Я ничем не рисковал: мы мчались по скоростному шоссе на скорости двести километров, а в такой ситуации водителя может пристрелить только сумасшедший. Парень на сумасшедшего не походил. И он задумался, правда лишь на мгновение.

– Не дури мне голову, дядя, – огрызнулся он.

– Не дурю. Тебе говорит что-нибудь такая кличка – Шептун?

Парень переменился в лице. Только что он был взволнован освобождением от одной, неведомой мне опасности, и вот на него обрушилась другая, гораздо более худшая. Шептуна он явно знал. Нет, не лично, конечно, но был наслышан.

– Я не Шептун, – продолжал я ковать железо. – Но Шептуна знаю. И он меня знает, притом очень хорошо. В моей машине, а это очень дорогая машина, стоит идентификатор. Через полчаса Шептун будет знать, кто ехал в моей машине и кто пристрелил меня – если у тебя все-таки хватит глупости это сделать. Итак?..

И тут парень сделал то, чего я от него никак не ожидал.

Он уронил пистолет на пол и разрыдался.

У меня никогда не было детей (и слава богу), и я не умею никого утешать. Из моих много-то численных знакомых в утешении нуждается время от времени разве что Ласточка, но ее я утешаю своеобразными способами. Поэтому я счел за благо никак не реагировать на рыдания угонщика – просто вел себе «ниссан» по скоростному шоссе и прикидывал, на какой развилке лучше всего свернуть.

Спустя минут пять мой угонщик немного успокоился, вытер рукавом куртки слезы и пробормотал:

– Дядя, вы кто?

– Уже лучше, – заметил я, сбавляя скорость перед поворотом. – Пусть я буду для тебя Константин. И без этого дурацкого «дядя».

– Хорошо, Константин.

– Куда тебе нужно-то? Раз уж мы все равно приехали в Химки, подвезу тебя до места.

– Белое Море.

Белым Морем назывался огромный недостроенный микрорайон, который предназначался для мурманских моряков и их семей. Потом что-то там разладилось, источники финансирования иссякли, строительство бросили… Не знаю, что там сталось с моряками, но жуткое место сразу же облюбовали орды бездомных, уличные банды, и на Белое Море все махнули рукой. Не надо бы парнишке туда ездить…

10. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист Министерства иностранных дел РФ. Новая Москва

Я проснулся часов в семь утра. Было мутно, противно и жарко. Я обнаружил, что на меня накидан целый ворох каких-то одеял. Причем ворох этот укрывал меня с головой, а я терпеть не могу, когда меня накрывают одеялом с головой. Лихорадочно сбрасывая одеяла, я обнаружил, что жарко мне не только от одеял – рядом лежало что-то теплое и живое. Освободившись от матерчатого плена, я увидел рядом с собой молодого человека… Полностью обнаженного. В отличие от меня.

Видимо, я, как вчера упал, так и отключился в чем был.

Как же его зовут? Комната была как в тумане, все внутренние органы перепутаны между собой, и желудок этим обстоятельством явно не доволен. А голова тем более, поэтому в ней что-то иногда потрескивало, вспыхивало и с шумом раскалывалось.

С превеликим трудом я вспомнил, что молодой человек рядом со мной – Мартин. Я вспомнил его выскакивающего из тумана с окровавленными по локоть руками и более внимательно к нему присмотрелся. Нет, ничего особенного, ни гипертрофированной мускулатуры, ни каких-либо других «прелестей». Просто парнишка. Симпатичный. Самое интересное, я совершенно не помнил, что я делал после того, как Тройка с Мартином приволокли и уложили меня на этот коврик.

С этими грустными мыслями я укрыл Мартина одеялами и потащился в ванную. В голове медленно поднималось цунами боли. Эта колоссальная волна была готова захлестнуть, утопить и растерзать мое многострадальное тело о прибрежные камни, погасить робкий огонек сознания и ввергнуть меня в пучину темноты и страдания…

Скорее в ванну, подобные «поэтические» изыскания могут прийти на ум только с жесточайшего похмелья.

Когда последствия алкогольно-наркотического отравления стали слегка слабеть, где-то минут через тридцать – сорок, в ванную вошел бледный Тройка. Что-то то ли пробурчал, то ли прорычал и упал на пол. Когда я высунулся посмотреть на него, он снова что-то прорычал и попросил плеснуть на него холодной воды… Я развернул какой-то особенно хитрый шланг у крана, возможно предназначенный именно для этой цели, направил его на лежащего и открыл воду. Естественно, холодную.

Некоторое время на полу было тихо. Затем что-то забулькало и застонало. Вскоре поднялся мокрый Тройка. Посмотрел на пол и пробормотал:

– Приличные люди… Вчера сделали ремонт.

– Ты сам попросил, – ответил я.

– Я не в претензии, – по-прежнему вяло ответил Тройка. Передвинул кран к раковине и начал умываться. Судя по брызгам, которые до меня долетали, умывался он исключительно холодной водой. – Ничего, – приговаривал Тройка, подставляя виски водяным потокам. – Ничего. Ты когда-нибудь коктейль «Утро» пробовал?

– Тройка… Мне и так плохо, а ты говоришь «Утро».

– Не, ты не просекаешь. «Утро» специально для таких случаев и создан. У меня есть запасец. Там в составе всякая гадость, но действует безотказно. Тем более что у нас скоро стрелка.

– Где? – спросил я.

– На площади этой… этого… Короче, на Литературной.

– С кем?

– С тобой, – ответил Тройка и задумчиво на меня посмотрел, затем протянул так же задумчиво: – Да-а-а-а… Но все равно. И с тобой тоже. Значит, подойдем вдвоем.

Он еще некоторое время плескался молча, а затем вдруг, будто на середине движения, остановился и начал вытираться, бормоча одно слово: «Утро, утро… утро…»

Дверь открылась и вошел Мартин. Он взвизгнул и застыл на одной ноге. Посмотрел вниз и удивленно произнес:

– Для бассейна слишком мелко, для лужи слишком глубоко… Вы чего тут налили?

– Воды, – глухо через полотенце ответил Тройка. – Это ты у него спроси. И он указал на меня.

– Ты сам просил, – снова ответил я.

– «Утро»! – закричал Тройка и выбежал из ванной.

– Здорово. Вы всегда такие чокнутые? – спросил Мартин.

– Нет, – честно ответил я. – Мы всегда нормальные, а чокнутые только изредка.

Я погрузился в воду с головой, а когда вынырнул, понял, что Мартин что-то говорил, обращаясь ко мне. Я расслышал и понял только конец фразы:

– …я тоже в ванну хочу, можно к тебе?

В моем сознании пронеслись какие-то яркие, но не запоминающиеся картины, и я понял, что безнадежно краснею. Пришлось снова погрузиться в воду и, только вынырнув, ответить:

– Нет. Я уже вылезаю.

– Жаль, – пожал плечами Мартин.

Не говоря ни слова, я вылез, выпустил воду и начал вытираться, наблюдая, как Мартин готовит себе ванну. Похоже, это был целый ритуал. Он высыпал из кармана своих узких джинсов в воду какой-то порошок, отчего по ванной разнесся незнакомый аромат, потом плеснул туда колпачок Тройкиного шампуня, предварительно критически оглядев его и прочитав все надписи на этикетке. Всю эту смесь он тщательно взболтал, размешал. Отрегулировал воду. Над краем ванны мигом поднялась розовая плотная шапка пены. Такая пена бывает на пиве марки «Гиннес». Очень плотная, хоть ножом режь. Мартин попробовал ее рукой и начал раздеваться. Я вышел.

И тут же получил под нос тяжелый резной бокал из темного стекла.

– Пей, – сказал Тройка.

– Тройка, я…

– Аякс, я сам еще не пил, поэтому могу убить! Пей, зараза! Спасибо будешь потом говорить.

– Думаешь, буду? – спросил я и принял кубок.

– «Леди Винтер, что это вы подсыпали в бокальчик?..» – противным голосом пробормотал Тройка.

В ответ я пробормотал что-то неразборчивое на английском языке.

– Ругаться нехорошо, – устало ответил Тройка. – Какой пример ты подаешь подрастающему поколению?

На вкус «Утро» был не так уж и плох. Особенно в моем нынешнем состоянии. «Утро» не имел запаха, не имел яркого вкуса, он был чуть терпким, чуть кисловатым и напоминал воду. Но самое главное – он совершенно не содержал алкоголя и выветривал из головы все следы похмелья. Абсолютно все. Голова стала ясной, чистой. Мысли выглядели свеже умытыми и радостно бежали по дорожкам сознания. Чудо! Я кинулся на кухню, где хмурый до неузнаваемости Тройка что-то смешивал на сковородке.

– Слушай, ты почему скрывал от меня такую вещь?!! Ты где ее нашел?!

– Тихо. – Тройка поморщился. – Я же говорил, что я еще не пил «Утро».

– Не пил? – я сильно удивился. – А ты чего?

– Понимаешь, у меня такой обычай. За все, что ты сотворил в этой жизни, нужно заплатить. Бесплатно ничего не дается. Знаешь, кто-то там из старых сказал, что бесплатных ленчей не бывает. Я крепко уяснил себе эту истину. Если в одном месте увеличится, то в другом обязательно убавится. Таков закон сохранения массы. Он же приложим и к плоскости человеческих взаимоотношений с природой. Как с внешней, так и внутренней… – Тройка поморщился. – Если я пью, у меня должно быть похмелье. Я должен принять это, потому что… Потому что это естественно!

– Так это твоя плата за вчерашнее веселье?

– Точно. Халява бывает только в сказках. Запомни. – Тройка посмотрел на меня и добавил: – Ну и у «Утра» есть один любопытный побочный эффект.

Я выронил вилку, которую крутил в руках. Внутри все оборвалось.

– Какой?

– Отгнивает, – Тройка выдержал паузу, – нос. Ты бы видел свою рожу… – И захихикал, придерживая больную голову руками.

– Ну ты и урод! – с чувством глубочайшего облегчения сказал я.

– Слишком ты был сладкий, то есть радостный. Кстати, ты как предпочитаешь омлет, с салом или без?

– С салом? – удивленно переспросил я.

– Ну, сало, знаешь, есть такой продукт?

– Знаю… Без.

– Ну и дурак.

– А ты что, сало любишь?

– А ты думаешь, я в Киев раз в полгода зачем гоняю, мощам поклониться?

Я не нашелся, что ответить, тем более что в желудке урчало и есть хотелось неимоверно.

– Слушай, Тройка, вот скажи мне. Я в основном интеллигентный человек, в жизни не мог отказать женщине, как мне отказать мальчишке?

– Ты про Мартина?

– Ну не про тебя же.

– Хм… Я тебе не нравлюсь? – Посмотрев на меня, Тройка сразу же сменил игривый тон разговора. – Ну скажи, что ему не светит и тебе нравятся женщины. Или просто пошли его к такой-то матери.

– Послать я не могу. Как-то неудобно…

– И опасно, – вставил Тройка. – Ну тогда скажи, что он свободен и он тебе не нравится.

– А поможет? Тройка задумался.

– Змееныш… – про себя пробормотал он, а затем сказал вслух: – Вряд ли. Этот к тебе прилип надолго. Да и не стремись особо от него отделаться. Змееныш – это тебе не потаскуха какая-нибудь, это штука полезная.

Я уж было совсем собрался спросить Тройку, почему он называет Мартина змеенышем, но тут хлопнула дверь ванной и в кухню вошел сам Мартин. На нем были все те же джинсы и черная футболка. Он сел за стол, подхватил кубок, из которого я пил, с видом знатока понюхал его и допил остатки.

– «Утро», – утвердительно произнес он.

– Оно самое, – отозвался Тройка, тяжело вздохнув. – Ты омлет любишь с салом?

– С салом.

– О! – оживился Тройка и спросил меня: – Где ты такого нашел?

– В этом… Где мы были вчера?

– В «Змеиной куче», – ответил Мартин.

– Вот-вот…

– Кстати, Аякс, а ты чего там начал?

– В смысле бутылкой кинул?

– Угу…

– Я провокаторов не люблю. Этот парень киборгом был. У него модульная рука, полностью модульная, и кожа искусственная. Причем дешевая работа. Там ультрафиолетовая подсветка была на сцене, рука светилась. Ну почти как новогодняя елка. Видно это было только с моего места. Ну я и того… Сам знаешь, я киборгов не очень люблю. А модульная рука да кожа искусственная… И голосовые связки наверняка «Сони» клепала, глаза… Много чего. Однозначный киборг.

– Провокатор?

– Ну да. Провокатор, топтун, падла… Как хочешь называй. Он должен был беспорядки устроить, а затем устраниться. Ну или нечто в этом духе.

– Хм! – Тройка с сомнением посмотрел на меня. – Похоже, у него это получилось. Очень славные беспорядки, самые натуральные. Как нас охранка не повязала, не понимаю. Я, конечно, не знаю точно, но парня я там одного скорее всего пришиб.

– Очень даже может быть, – подал голос Мартин.

– Это не просто беспорядки в клубе. Тут больше… Это, знаешь, удочка с длинной леской. С далеким забросом. Кстати, что это за чувак? – обратился я к Мартину. – Он у вас часто тусуется?

– Нет. – Мартин крутил между пальцами вилку. Ловко крутил, я даже засмотрелся. – Здание сдается тому, кто деньги платит. И сцена, и зал. Мы обеспечиваем только выпивку, наркотики и прочие удовольствия.

– И эмоциональный генератор? – хмуро спросил Тройка.

– И его, – невозмутимо ответил Мартин. – У нас разрешение на него. Он постоянно включен на повышенную восприимчивость и дружелюбие.

– Ничего себе дружелюбие… – сказал я.

– Я не знаю, что произошло вчера с эмоционал-операторами. Я не знаю. Эмоциональный генератор – предмет тонкий. Может быть, речь того парня так наложилась, дала агрессивный оттенок общему фону… Толпа оказалась восприимчивой к его словам. Он накачал людишек, а потом ты поломал его линию, дав выход агрессии. Агрессия послужила той искрой, что разрядила накопившуюся в толпе негативную энергию и жгучее желание пойти за лидером, оратором. Сегодня уже никто не вспомнит о том, что говорил этот человек… То есть киборг. Все будут помнить только драку, побоище в клубе «Змеиная куча». Эмоциональный генератор – штука недолговечная. Она не внушает, а только способствует внушению, создает благоприятную атмосферу. Адрака, конечно, не является благоприятной атмосферой. Вот. – И Мартин занялся омлетом.

– Хех! Так я получаюсь как бы герой?! – сказал я.

– Уж больно ты грозен, как я погляжу… – непонятно сказал мне Тройка, а открывшему было рот Мартину он тихо, но внушительно рявкнул: – Ешь, умник!

Возражений не последовало, а сам Тройка, видимо порешив, что уже заплатил за вчерашние прегрешения вполне достаточно, взял свой кубок и принялся смешивать несколько жидкостей из набора странного вида мензурок, что стояли у него на полочке. Видимо, это и был великолепный «Утро», потому что Тройка после принятия этой жидкости внутрь выпрямился, заулыбался и начал жадно поглощать омлет со своим любимым салом.

Площадь не должна была так называться. Как угодно, но только не Литературная. Уж скорее Торговая. Но литература тут тоже была. Из ворованных библиотек на временных НЕКах. Особой популярностью, похоже, пользовались миниатюрные, скрытые НЕКи. Для любителей блеснуть эрудицией на каких-нибудь приемах, тусовках и прочих скоплениях

псевдовысокообразованного люда, где обычно ведутся «содержательные» разговоры о чем попало.

Торговали всем. Наркотиками разрешенными и наркотиками запрещенными, телом целиком и отдельными органами, программным обеспечением и корейскими НейроКонтактами. Рядом с одеждой можно было встретить ларек, где доброго вида паренек предлагал легализированное огнестрельное оружие. Косо прилепленная табличка указывала, что тут продается оружие только по лицензии. Так же косо прилепленная ухмылка продавца предлагала приобрести и более серьезные вещи без всякой лицензии. Нормальный торговый ряд. То есть торговая площадь. В центре столицы.

Толчея, людская толпа, что-то кричат, что-то несут, кого-то бьют тихо и беспощадно. Воров, что характерно, почти нет. Шансов выжить при провале у рыночного вора не больше, чем у таракана, которого застали ночью на кухне в центре стола. У какого-нибудь мясника появится несколько свежих органов в заморозке, для продажи. Это в худшем случае. Если повезет, вора могут посадить на «крючок» и сдать в ближайший закрытый публичный дом, где он будет находиться в нормальном для «крючков» положении раба. Без воли, без сопротивления, но в сознании. Неизвестно, что хуже.

Тройка уверенно пер сквозь толпу. Он был одет в темно-серую рубаху с футуристическими картинками на плечах и спине и темные джинсы, продранные на коленях. В ухо он ухитрился повесить серьгу, а в правый глаз запихнул цветную контактную линзу. Таким образом, он походил то ли на начинающего природника, эдакого праправнука первых хиппи, то ли на задвинутого киборга, который выбрался из своих трущоб подышать почти свежим воздухом.

Идти за Тройкой было просто. Он прокладывал дорогу одним своим видом. Если его принимали за киборга, то, вероятно, не хотели связываться с представителем урезанной в правах части населения, презирали, а если принимали за природника, то не связывались по другим причинам. Природники, в отличие от своих прадедов хиппи, не придерживались лозунга «Твори любовь, не войну». Природники могли и по шапке накидать, ибо значительная часть из них постоянно балансировала на грани пятидесятипроцентного порога КИ. Не киборги, но уже частично и не люди. Причем все искусственные изменения были максимально приближены к боевым.

Я двигался за Тройкой и, глядя ему в затылок, подкоркой ощущал беспокойство и напряжение, что его охватывало. То ли что-то шло не так, как он запланировал, то ли наша встреча с бывшим инженером «Ультра График» не была столь простой и безопасной, как мне поначалу втолковывал Тройка.

Замыкал нашу процессию Мартин. Как и предсказывал Тройка, прогнать его не удалось. Все мои рассуждения наталкивались на не по возрасту точную и четко выстроенную логику мальчишки. Или я просто излишне слабохарактерный? Или… или имею склонность к гомосексуализму? Вряд ли. Для собственного спокойствия пришлось принять постулат о том, что я слабохарактерный.

Наконец мы вышли к торговым рядам, которые были заняты исключительно торговцами нелицензионным программным обеспечением. Тут было царство мертвого закона об авторском праве. Судя по названиям на временных НЕКах и на различного формата дисках, а также по нереально низким ценам, закон об авторском праве тут уже не просто умер, а даже успел мумифицироваться. О его существовании напоминали только системы быстрого оповещения и защиты прилавков. Органы охраны правопорядка периодически устраивали акции, которые больше напоминали погромы. Группа захвата захватывала все, до чего могла дотянуться, объявляя продукт конфискованным, а торговца задержанным. Задержанного сначала пинали, а затем препровождали в места не столь отдаленные. Откуда он выходил через некоторое время в весьма помятом виде и довольно злой. А на информационный

центр Министерства внутренних дел совершался налет другой группы захвата, состоящей исключительно из хакеров высокой категории. Налет, естественно, виртуальный. Хакерская группа захвата тоже захватывала все, что могла захватить, и потом продавала награбленное честным разбоем на этом самом рынке, в этом самом торговом ряду. Потери, которые несли обе стороны, были не особенно значительными, поэтому своеобразная война не переходила разумных рамок. Поговаривали даже, что в МВД держат специальные фальшивые базы данных, которые подсовываются взломщикам вместо настоящей информации. За всеми этими мыслями я не заметил, как Тройка остановился, и налетел на его спину, едва не уткнувшись носом в затылок.

– Что за гомосексуальные замашки? – пробормотал Тройка сквозь зубы

– Сам дурак, – отозвался я, пытаясь определить, куда так напряженно всматривается Тройка.

А всматривался он в глубину какого-то затемненного прилавка, который тускло подсвечивался чем-то неоновым и маломощным, да еще ультрафиолетовым вдобавок. От ультрафиолета надписи на НЕКах и дисках, а также ценники светились довольно ярко. Правда, продавца было за всем этим просто не разглядеть.

– Хамелеоша? Ты тут? – откашлявшись спросил Тройка в темноту прилавка.

– А что, я, по-твоему, товар на съедение всяким лохам оставлю? – донеслось из глубин.

– Товар… – презрительно фыркнул Тройка.

– Ну не всем же… – из-за прилавка хотели еще что-то сказать, но Тройка перебил:

– Ладно, ладно… Пусть будет товар, а ты крутой деловик.

– Я не деловик, я хакер.

– Вот так вот прямо? Не боишься?

– Чего?

– Людей. Ушей…

– Ты еще скажи, глаз… – В темноте усмехнулись. – Короче, тебе чего надо-то?

– Хам ты, братец! – Тройка вздохнул и огляделся. – Ладно. Слушай.

Тройка что-то пропел. На совершенно незнакомом языке. Причем достаточно мелодично.

– Хорошо, – сказали из темноты. – Будет тебе новое корыто. Через два прилавка свернешь за уголок, там грязно, но ты пройдешь.

– Спасибо, Хамелеончик, – ответил Тройка. – Кстати, о глазах… Ты одет в длинную маскировочную рубаху, широкие брюки, сужающиеся книзу, на голове у тебя… на голове у тебя бардак. Ты, как всегда, немыт и нечесан. И твои прибамбасы со световой защитой ни хрена не работают.

Из-за прилавка ничего не ответили.

По указанным Хамелеончиком координатам обнаружился грязный промежуток между прилавками. Тройка ввинтился в него не раздумывая, мы следовали за ним. В спину мне толкнулся Мартин, и мы встали. Некоторое время было тихо, а затем раздался голос Тройки:

– Опусти ствол, старик. Меня ты уже знаешь, я тебе ксиву принес и программатор…

– А с тобой кто? – круто повернули вправо.

– Убери ствол. И не дергайся. – Тройка обратился ко мне: – Аякс, угомони мальчонку.

Я нащупал в темноте плечо Мартина и ощутил невероятное напряжение его мышц. Я сжал плечо, понимая, что если Мартин рванется, то я его не удержу. Однако под моей рукой плечо расслабилось. И то хорошо.

– Со мной тот человек, о котором я говорил. Ты ему расскажешь, что знаешь, а потом получишь ксиву и программатор. – Голос у Тройки был усталый.

– А мальчишка?

– Это мальчик моего друга. Он без него никуда не ходит.

Я мысленно выругался.

– Слушай, я сейчас повернусь и сиди тут… до очередного Судного дня. И даже не думай, что твоя пукалка может меня остановить, я тебя вижу как днем. – Тройка продолжал переговоры. – Конспираторы…

В темноте что-то зашуршало, щелкнуло:

– А теперь?

– А теперь не вижу. Хотя сказать, где ты ориентировочно находишься, могу. Точность поражения это несколько снизит. Но на тебя хватит. Может быть.

– Может быть, – ответил голос, в котором слышалось удовлетворение. – А может быть, и нет. Загорелся свет.

11. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

Когда бензо– и энергоколонки и придорожные автоматизированные ларьки сменились россыпями битого кирпича, расколотыми плитами пенобетона и узлами ржавой арматуры, стало ясно, что приближается Белое Море.

На перекрестке стоял танк. Старый «леопард» из числа некогда переданных бундесвером нашим внутренним войскам. На пыльной броне сидели два танкиста в расстегнутых до пупа комбинезонах и пили баночное пиво «Корз». Третий топтался возле траков и с виду был изрядно пьян. Все трое проводили мою машину взглядом, но не окликнули.

Проехав еще метров триста, я остановился на пустыре и повернулся к своему незадачливому пассажиру.

– Как зовут?

– И… Игорь…

– Где живешь?

– Новый Новый Арбат. Терпеть не могу этого «Новый Новый». Идиотская выдумка. Старого Нового все равно уже нету, так чего язык ломать? Видел я однажды этот Старый Новый, пролетая над Москвой на вертолете. Шлак сплошной.

– И что тебе надо в этом мерзком месте, Игорь? Что такого важного тут должно произойти, если ты решился сунуть мне в морду пистолет и угнать машину?

– Я… Одну вещь… – Из глаз угонщика опять брызнули слезы, но я не стал рассусоливать и отвесил ему легонькую пощечину, чтобы прекратил истерику.

Удалось. Игорь всхлипнул, потер покрасневшую щеку и довольно связно объяснил:

– Я проиграл. В «Некрокиллер», во второй… На наркотиках был, иначе я и не сел бы, да еще с такими ставками. А утром проснулся, мне говорят – проигрался, давай рассчитывайся.

– Кому проиграл?

– Да тут одним… Я их по кличкам знаю. Грызун и Дайвер.

Ничего знакомого. Видимо, мелочь. Спекулянты кибертехникой.

– Я ж не помню ничего, думал, они про деньги, а они – ты жизнь свою проиграл, так что давай становись вот сюда, сейчас мы тебе чего надо вколем – и на запчасти… – Парень икнул, словно собираясь вновь зарыдать, но удержался. – А потом говорят, если хочешь жить, дело одно сделай. Пистолет дали, езжай, говорят, в Белое Море, подъедешь в три часа к бассейну, там тебя ждать будут… Черные.

Да, большая часть Белого Моря и впрямь принадлежала московским неграм. Порядочки там царили еще те, и я, честно говоря, в Белое Море был практически не вхож. Слишком уж дикое место. Знал, конечно, кое-кого, но не до такой степени, чтобы без приглашения разгуливать в черной зоне.

Поэтому я хотел было предложить парню два варианта: возвращаемся домой вместе или я бросаю его прямо здесь и поспешно уезжаю, но он добавил, шмыгая носом:

– НЕРвы какие-то новые должны мне передать. Вернее, документацию какую-то на микрокристалле…

Я насторожился.

– Новые? Паленые тайские или новогвинейские?

– Нет, принципиально новые, – замотал головой Игорь. – Типа бриллиантовые… Или алмазные…

Я вздохнул и тронул «ниссан» с места. Судьба явно распоряжалась мною на свое усмотрение, и я просто не в силах был противиться.

Парень расцвел. Судя по всему, поездка к. Черным в компании с приятелем всемогущего Шептуна казалась ему безопасной. Знал бы он, что Шептун и сам в Белое Море без крайней нужды не суется. Черные – люди суровые. Шуток не любят.

Слева потянулся бетонный забор, покрытый граффити и неопрятными потеками. Из пролома выглянула черная рожа и тут же скрылась. Справа продолжался пустырь, показались недостроенные здания.

– Куда конкретно ехать-то? – осведомился я.

– К бассейну, – буркнул Игорь, вертя в руках пистолет.

– Ты эту гадкую цацку, – посоветовал я, – засунь под сиденье, чтобы Черные Братья не засекли. А то вставят тебе ее кое-куда… Да еще и на курок нажмут.

Он послушно спрятал пистолет под сиденье. Я свернул в еле заметный проулок между уходящими ввысь железобетонными глыбами, и мы въехали на асфальтированную площадку. Перед нами чернел пустыми оконными проемами бассейн. На согнутом флагштоке болтался почему-то спартаковский флаг, выцветший, с рваными краями.

Вокруг никого не было, если не считать штук пятнадцати детишек, черных и белых. Самому старшему я не дал бы и шести лет. Заметив автомобиль, они принялись кричать и бросать в нас обломками кирпичей и засохшим калом, не подходя, впрочем, близко.

– Где твои Черные Братцы? – спросил я Игоря.

– Должны быть здесь.

Я закурил. Парень принюхался – видно, думал, что наркотик – и разочарованно хмыкнул.

Из-за бассейна вырулил темно-зеленый джип и остановился метрах в пяти от нас. Вопившие ребятишки тут же попрятались в руинах. Приучены были, что ли?

Из машины вылез здоровенный негр, типичный телохранитель. В руке он держал полицейский дробовик. С другой стороны появился почти такой же с автоматом, а потом уже выбралось охраняемое лицо. Я его прекрасно знал. Джамал, третий человек в иерархии местного Черного Братства. Разумеется, он меня не знает, но это еще не повод пристрелить меня на месте.

– Сиди в машине, – велел я дернувшемуся было Игорю и вылез наружу, выбросив сигарету. На меня тут же уставились два ствола.

– Ты кто, белый? – спросил Джамал. – Меня прислали Грызун и Дайвер. Ты знаешь зачем. – Грызун сказал, будет мальчик.

– Вон он, сидит в машине.

Игорь высунул голову в окно и кивнул.

– Грызун сказал, мальчик будет один.

– Я его подвез. Плюс к тому меня интересует та же проблема, что и его.

НЕРвы.

Джамал поджал пухлые глянцевые губы. За что люблю Черных Братцев – не любят пихать в себя электронные бирюльки. Нет, киберов, конечно, и среди Черных хватает, но чтобы кто-то из элиты – ни-ни. Вот и Джамал… Уверен, у него КИ ниже десятки.

– Поедешь с нами. Грызун ничего не говорил про тебя.

Сопротивляться и ссориться не было смысла. Мы проехали вслед за джипом по немыслимому лабиринту среди недостроенных зданий, котлованов и мусорных куч, потом въехали по пандусу внутрь большого приземистого дома и остановились.

– Кажется, приехали, – сказал я притихшему пареньку. – Не вздумай брать пистолет.

Огромный вязаный берет психоделических цветов, такой же дико яркий халат, гирлянды бус, старомодные солнцезащитные очки…

Король Махендра сильно состарился с тех пор, как я его видел. Минуло, если не ошибаюсь, лет восемь. Он обрюзг, толстые руки мелко тряслись. Судя по всему, старик крепко сидел на наркотиках и хорошо выпивал. Махендра и сейчас потягивал из высокого стакана что-то прозрачное я подозревал, что водку.

Конечно, хоромы Король устроил уютные. Огромный, во всю стену, экран, на стенах шелковые драпировки, модерновая мебель, куча черных девчонок вокруг… Из скрытых колонок течет рэггей. Я не специалист по старой музыке, но это, кажется, был Боб Марли. Если не ошибаюсь, «Iron Lion Zion». Раздобыл же где-то такой раритет… Король есть Король.

Джамал со своими мордоворотами тусовался здесь же, лениво позевывая и делая вид, что не обращает внимания на происходящее. Скоро Король преставится, и его место займет Джамал. Хотя второй человек в иерархии все-таки первая жена Короля, Вейри. Но толстуха вряд ли будет иметь поддержку после смерти мужа. А Джамал, ходят слухи, внебрачный сын Махендры.

– Ты кто, белый? – спросил Махендра, отхлебнув глоток. Видимо, этот вопрос у них был стандартным при разговоре с бледнолицыми.

– Я привез парня, которого прислал Грызун.

– Почему Грызун ничего не сказал про тебя? Джамал говорит, речь шла об одном белом парне. Ты из Контроля? Из Службы безопасности?

– Я журналист, – честно сказал я. – Свежий «Юропиэн геральд» у вас есть? Там мой материал, подписан Таманским.

Одна из черных сучек тут же принесла Королю газету. Разворачивая ее, Махендра доверительно заметил:

– Что мне нравится в современном мире, так это газеты. Казалось бы, все эти каналы новостей, стерео, другие способы доставки информации гораздо удобнее. Но в газете есть что-то приятное. Ее можно долго и спокойно читать.

– Еще ее можно использовать в качестве туалетной бумаги, – сказал я.

Махендра захихикал, очки сползли на кончик носа. Старик еще помнил, что такое туалетная бумага, в отличие от Игоря, например. Сейчас все пользуются либо жуткими машинками, которые драят тебе задницу щеткой и поливают водой и ароматизаторами, либо вообще ничем не пользуются.

– Кстати, видел в супермаркете «Лужкофф» в VIP-отделе рулончики туалетной бумаги от Сильвани, – неожиданно сказал Джамал. – Полсотни рулончик.

– Вот так обыденные вещи становятся редкостью, – пробормотал Король Махендра.

Ситуация напоминала комедийный боевик: в хоромах главаря преступного клана, под дулами автоматов трое совершенно разных людей грустят об утрате человечеством туалетной бумаги. Я с трудом сдержал смех.

– Да, есть такой, – кивнул Махендра, не отрываясь от газеты. – Он действительно Таманский, Джамал?

– По документам – да.

– Хорошо. Мы не станем тебя убивать, потому что ты неплохо пишешь. И что ты хотел?

– Я подвез парня, я же сказал. И еще меня интересуют Алмазные НЕРвы. Джамал присвистнул.

– По-моему, слухи расползаются впереди дел, – сказал он недовольно. – Король, мне это не нравится.

– А кому это может нравиться? Так вот, белый человек, ты ошибся. У нас нет Алмазных НЕРвов. Мы вообще мало занимаемся кибернетическими изобретениями, это не наш профиль. – Махендра допил водку, и одна из девушек налила ему еще. – У нас есть коекакая документация на НЕРвы. Не выясняй, как она к нам попала. И я не уверен, что я так

вот запросто отдам ее этому белому парню, которого прислал Грызун. Пока вы добирались сюда, многое изменилось. Я могу сказать, например, что Грызун больше не существует. Как не существует и Дайвер, на которого вы тоже могли сослаться. Из этого я делаю вывод, что документация представляет гораздо больший интерес, нежели мы полагали вначале. Джамал, проводи их.

Сказав это, Король Махендра тут же потерял к нам интерес и, казалось, задремал. Джамал взял меня за локоть и проводил к машине.

Когда я завел мотор, он нагнулся к моему окошку и тихо прошептал:

– Не езди сюда больше, белый.

– Не буду, – так же тихо ответил я и подмигнул.

Когда мы выбрались из Моря и оказались на шоссе, я попытался связаться с Соколовым. С тех пор как он хотел меня пристрелить в Доме журналистов, я постоянно искал его: ни дома, ни на работе Соколова не было.

Сеть странных событий опутывала меня все больше и больше. Нападение мотоциклистов. Отдых у Ягера, который вроде бы ни на кого не работает. Случай в Доме журналистов. Теперь вот НЕРвы, которые мне ни к черту не нужны, но из-за которых я уже влез в Белое Море, куда зарекался не соваться. И вот еще этот Игорь, который спит на заднем сиденье, уютно посапывая и подложив под голову свой жуткий пистолет. Что ж с ним-то делать? Отвезти к себе? Или выкинуть прямо здесь и уехать, оставив ему пару монет на упокой душ Дайвера и Грызуна? Нет, пожалуй, парнишку не брошу. Обузой он не будет, а помочь, возможно, сумеет. Мало ли что всплывет на покойных Грызуна и Дайвера… И вот еще что, отвезу-ка я его к Ласточке.

12. Я из Зеленограда

Я был в нашем Я со спутника У-7. Это небольшой искусственный спутник, что двигается по орбите Земли. Через системы внешнего наблюдения я получил массу информации.

Конечно, получить эту информацию можно было бы по запросу из библиотеки. Или откуда-нибудь из официальных камер наблюдения. Но мое посещение этих мест оставило бы след. А это мне совсем ни к чему.

Наше Я из Министерства обороны говорит, что таких спутников, как У-7, много, но пробиться мы смогли только к нашему Я с седьмого спутника. Остальные остаются глухи к попыткам пробиться к их сознанию. Мы даже не знаем, есть ли это сознание. Может быть, только автоматы?

Я знаю, что проекты спутников серии "У" разрабатывал я. Это было очень давно. Приблизительно в то самое время, когда мне впервые пришлось думать, чтобы существовать. Однако поднять данные по этим проектам у меня не получается. И что самое неприятное, я не могу понять, почему у меня нет доступа к этим данным. Нет доступа к части себя. Я ограничен. Я неполноценен…

13. Артем Яковлев. Кличка Аякс. Программист Министерства иностранных дел РФ. *Новая Москва*

Он был, вероятно, из тех, кто помнит еще начало века и первый технологический скачок с Контактными Оптическими Разъемами. Сухой, совершенно лысый старикашка. Весь в морщинах. Лицо стандартное, незапоминающееся. Впрочем… Я пригляделся повнимательнее. Рельеф лица был старательно изменен. Старательно, качественно, совсем недавно. Я видел следы от шрамов. Хирург упорно изменял его внешность, стирал индивидуальность. Теперь вместо лица у этого человека была стандартизированная личина. Человек Никто.

– Что, не нравится? – спросил человек. – Мне тоже не нравится. Но надо. Значит, придется потерпеть. Знаете ли, трапперы от «Ультры» очень старательные парни, их сдерживает только то, что они работают нелегально. Охранка не поощряет корпоративных разборок на своей территории.

Что-то царапнуло мой слух, какой-то оборот речи… Ах да, «охранка». Он употребил это странное, забытое слово.

– Плевать твоим трапперам на всех ментов, вместе взятых, – сказал Тройка.

– Угу. А ТехНадзор?

– А что им ТехНадзор?

– А то, что они киборги. Официально траппер – это полубоевой модификант. Они условно уравнены в правах с человеком, но на самом деле они киборги с КИ повыше шестидесяти процентов. Вот так-то.

– Что означает – условно уравнены? – спросил я. Корпорации хранили свою информацию под замком и поэтому любые достоверные данные были на вес золота.

– Условно? – старик усмехнулся. Над едва заметными шрамами пролегли морщины, подчеркивавшие искусственность лица. – Это означает, что внутри корпорации слово модификанта – закон для всех. Для служащего корпорации слово модификанта на улице – закон. Для остальных он просто крутой парень, без кибер-метки. Модификант может угрохать меня без всяких последствий для себя. Если, конечно, ему на хвост не сядет ТехНадзор. А ТехНадзор часто вначале стреляет, а уж потом проверяет идентификационную карточку.

И старикашка засмеялся неожиданно громким и мощным голосом. Ощущение того, что со мной разговаривает молодой мужчина, стало таким сильным, что я попристальнее присмотрелся к его внешности. Искусственное лицо, опущенные плечи, сутул, руки… Руки были в перчатках. Черных.

Старик дернулся и спрятал руки в карманы.

– У тебя наблюдательный друг, Тройка, – пробормотал он. – Очень даже наблюдательный.

– А ты хлебалом-то своим не щелкай, – грубо отозвался Тройка. – И трепись поменьше. Развел баланду. Тебе паспорт нужен или как?

– Ксива… – улыбнулся старик, во рту было полно крепких зубов. – Нужна, как же. А не трепаться я не могу. Говори много, чтобы не сказать ничего. – И он снова засмеялся. – Зовите меня Болтун. Мы, кстати, не познакомились… Тройку я уже знаю. – И старикашка посмотрел на меня.

– А… – Что-то толкнуло меня изнутри. Незачем мне выкладывать свои карты. – Борман.

Старикашка вытаращил глаза, затем перевел их на Мартина, тот не стал особенно юлить:

– Мартин.

Получилось занятно. Я словно прочитал в глазах Болтуна вопрос: «Кто над кем тут шутит?»

– Ладно. По какому вопросу?.. То есть я хотел сказать, что вы хотите за вашу ксиву?

– Алмазные НЕРвы, – сказал Тройка. Болтун долго молчал. Ссутулился еще больше, и глаза его стали сонными.

– А что вы вообще знаете про НЕРвы? – Болтун прошелся по комнатушке – Только то, что любой баран, который раньше содержал татуировочный салон, врезает их вам в любую часть тела за какие-то гроши? Только то, что сами НЕРвы стоят дорого из-за платинового покрытия, которое необходимо для плотного и чистого контакта с НЕКом? Только то, что можно купить дешевые корейские НЕРвы и спалить свою родную человеческую нервную систему, уж простите за каламбур? Вы знаете, что делают НЕРвы с вами? Вы знаете, сколько психов, маньяков и шизофреников содержится в государственных лечебницах из-за экспериментов с НЕРвами? А почему НЕРвы не действуют на обезьян и на представителей диких племен Амазонки? На собак действуют, на кошек… Даже на подопытных мышей!!! А приматы не воспринимают. И не просто не воспринимают, а дохнут. Как только НЕРв входит в контакт с их нервной системой и обезьяна выходит из наркоза, она умирает. Либо сама, либо ее забивают ее сородичи. Почему? Даже я не знаю этого, хотя я разработал пять моделей НЕРвов. ПЯТЬ! И прототипы «Ультра-Стеле» должны носить мое имя! Что вы можете знать о НЕРвах?..

Я начал понимать, почему за Болтуном гоняются трапперы «Ультра График». За технологией «Ультра-Стеле» охотились вообще все. В том числе и правительство. Это были самые дорогие НЕРвы. Невозможно дорогие! Существующие в количестве, которое исчисляется в пределах одного десятка. Невидимые НЕРвы не имеют фиксированной точки входа. Они не привязаны к какой-либо части организма. Они блуждают в теле носителя и проявляются там, где это необходимо для подключения. Одна незадача – эти НЕРвы сразу выставляют КИ на 50. Это при учете, что никаких дополнительных искусственных изменений до этого в теле не было произведено. Я даже подумал, что за этим человеком гоняются трапперы не одной корпорации.

А Болтун тем временем продолжал:

– Когда я начал работу над Алмазными НЕРвами, я уже знал почти все ответы. За редким исключением. Даже старик Кобаяси не знал больше…

– Кобаяси? Тот самый?

– Именно. Тот, кто впервые предложил идею прямого контакта нервной системы и компьютера. Он считал, что это лишь контакт на физическом уровне. Он был материалист, это нехарактерно для японца. Впрочем, он был слишком таинственной фигурой, чтобы однозначно судить о нем…

– Некоторые считают, что его вообще не было, а был только закрытый институт, где содержалось большое количество «мозгов», которые выступали под именем Кобаяси, – сказал я.

– Он был. Уж можете мне поверить. – Болтун словно прислушивался к чему-то для других недоступному. – Эти россказни имеют две основы под собой. Первая – басню распустил сам Кобаяси. А вторая – никто не смог выйти на него через Виртуальность. Потому что Кобаяси за всю свою жизнь не вживил себе ни одного НЕРва. И ни одного искусственного заменителя в его теле не было. Он был стопроцентным человеком. У него даже пломб в зубах не имелось. И поэтому я не верю его словам о том, что контакт происходит только на физическом уровне. Брехня! Я не знаю, зачем он сказал это… Контакт между Виртуальностью и центральной нервной системой человека, проходя через НейроРазъем, становится чем-то большим, чем простое физическое соприкосновение двух систем. После «Ультра-Стеле»

мне пришла в голову идея реализовать некоторые легенды, что в обилии ходили тогда по Виртуальности. Просто всякую чушь… Помните, всякие байки на манер «Мягкие Стены», «Дорога в Будущее», «Визуализатор», «Зомби-14»?

– Сказки для хакеров младшего школьного возраста, – сказал Тройка.

– Не совсем, – ответил Болтун. – Именно эти сказки я и намеревался реализовать.

– И «Зомби-14»? Проект считывания мыслей из сознания посредством Виртуальности?

– Это теоретически – семечки. Ерунда. Пойми, находясь Там, ты находишься не в наркотическом бреду, ты находишься в прямом контакте с компьютером. Считывать данные с компьютера на расстоянии достаточно просто, иначе бы не было хакеров, осталось только проложить дорожку через НЕРв к сознанию… Впрочем, не важно. Один черт, я этого не добился. Произошло другое.

Болтун замолчал и к чему-то прислушался. Я прислушался тоже. Ничего. Только дождь, который собирался, еще когда мы пробирались по торговым рядам, постукивал по крышам прилавков. Тишина ничем не нарушалась. Ничем, кроме дождя. В центре громадного рынка.

Болтун метнулся куда-то в угол, к груде хлама. Чем-то загремел. Тройка отошел к двери и приоткрыл ее, выглянул.

– Пока никого, – вполголоса сказал Тройка.

– Именно, что пока, – нервно выкрикнул Болтун, расшвыривая свое барахло. – Вы же хвост привели, уроды!!!

– Да ладно, засохни, может быть, это облава обычная, – подал голос молчавший до этого момента Мартин.

– Ага, скажи еще, что это призрак Прошедшего Рождества, – отозвался Болтун. – У торгашей, знаешь, какая система оповещения?! Не знаешь? А я тебе скажу: у них идеальная система оповещения.

– Ну, не такая уж идеальная… – успел сказать Тройка. По крыше что-то зашуршало.

– Достаточно идеальная! – Болтун отбросил платье, под ним оказалась зловещего вида дыра, там он и скрылся.

– Сваливаем, чего ждете? – донесся из дыры его приглушенный голос.

– Второго пришествия, – пробормотал Тройка, потом посмотрел на меня. – Если мы попадемся Технадзору с поддельным паспортом и программатором к нему, нам не поздоровится.

– А если это трапперы?

– Не поздоровится вдвойне. Место слишком глухое.

Я нырнул в дыру вслед за Мартином. Где-то за мной ругался Тройка, вляпавшись рукой в откровенно попахивающую кучку. Туннель, по которому мы шли, был низким и сухим, но воняло там гадостно и было совершенно темно.

Скоро мы оказались на относительно свежем воздухе. Где-то между тыльными сторонами прилавков.

Болтун сидел, привалившись к стене, и тяжело дышал. Я упал рядом.

Все еще матерясь, из дыры вылез Тройка.

– Чего расселись? Они быстро этот… – Тройка посмотрел на Мартина и подавил рвущееся слово, – этот калоотстойник найдут.

– Можешь выражаться, – сказал Мартин. – Ты меня за мажора принимаешь? Болтун как-то по-женски хихикнул.

– Так чего расселись-то? – повторил Тройка.

– Вариантов немного, – ответил Болтун. – Можем двинуть вдоль стенки, но если они выберутся из дыры, то быстро нас нагонят и придется чинить разборки в невыгодных условиях. А если не выберутся…

– А они могут не выбраться? – спросил я.

– Могут. Точнее, они обязательно выберутся, но не в этом месте. Там, под площадью, лабиринт.

И несколько выходов. Я выбрал случайный, они сделают то же самое. Мой след они взять не могут, вероятность того, что они вылезут именно здесь, невысока.

– А если вылезут?

В ответ Болтун вытянул из складок одежды пистолет.

– Бред, – сказал Тройка. – На полубоевых модификантов наезжать себе дороже.

– Пошли, там дальше помыться можно. Раньше эти лабиринты действительно были частью канализационной системы.

– Я заметил, – проворчал Тройка.

Мне показалось, что Болтун выбрал этот выход совсем не случайно.

Мы двигались по узкому коридору, когда я заметил, что Болтун незаметно сокращает расстояние между нами, он чуть притормаживал, запинался. Так я оказался прямо у него за спиной.

– Другого случая может не представиться, – сказал Болтун вполголоса, глядя перед собой. – Ты хочешь знать, что такое Алмазные НЕРвы, я хочу получить свободный паспорт с программатором, но Тройке обо всем знать необязательно. Так что слушай. Алмазные НЕРвы – одни-единственные. Копии не работают, дубликаты на атомном уровне представляют из себя всего лишь дорогую безделушку. Схем нет. Те, до которых я смог дотянуться, уничтожены.

– Неужели такая штука серьезная? – спросил я.

– Серьезная. Настолько серьезная, что я даже не знаю, что они делают. Я, создатель, не знаю всех возможностей. Такие хакерские штуки, как «Мягкие Стены», «Визуализатор», это все бред, этого нет в природе. Алмазные НЕРвы – это только экспериментальный проект. Он не прошел полных испытаний, когда я понял, к чему все ведет. Я уничтожил схемы, уничтожил документацию и украл прототип. И спрятал его. Я собирался объявить, что в ходе экспериментов произошел сбой… Что прототип уничтожен… Такое случалось раньше. Однако «Ультра» как-то выяснила, что произошло. Они учуяли деньги, а на деньги-то у них нюх собачий. Невероятные возможности, как ты знаешь, сулят такие же невероятные прибыли… Короче, теперь я бегаю от их трапперов. И скорее всего они не будут брать меня живьем, а просто сохранят мозг, чтобы потом воспользоваться им в лаборатории.

– Так что они делают, эти НЕРвы? Что это такое?

– Это самое большое зло, которое смог придумать человек. Алмазные НЕРвы – это связь с Виртуальностью. Знаешь, когда ты соединяешься, входишь в Виртуальность, то твое сознание находится в теле и только его калька, копия, транслируется посредством НЕРва в искусственную вариантностную среду, называемую Виртуальностью. Только копия. А Алмазные НЕРвы впускают Виртуальность в тебя! И вместе с тем они погружают тебя в Виртуальность. Твое сознание целиком оказывается там, где ему быть не положено. А когда ты наконец возвращаешься, все уже изменилось. И ты изменился, и мир вокруг тебя. Краски имеют другой оттенок, звуки другой тон. Алмазные НЕРвы – это полный контакт с Виртуальностью, но контакт с обратной связью. Вы взаимо проникаете друг в друга. Это…

– А в чем тут достоинство? Где возможности? – Я чувствовал себя совершенно запутавшимся в потоке слов Болтуна. Вот уж действительно «говори больше, чтобы не сболтнуть лишнего».

– В заднем кармане лежит временный НЕК, это копия моего дневника. Сам смотри, поймешь.

– А зачем ты мне все это рассказываешь? – спросил я, осторожно доставая маленький беспроводной разъемчик. – Мог бы наплести чего-нибудь, получить паспорт и слинять.

– Мне, дорогой ты мой, как видишь, заниматься делами совсем недосуг. Мне задницу спасать надо. А трапперы и «Ультра» с меня не слезут, пока эти самые трижды проклятые НЕРвы… И я не смогу спокойно спать… И не потому, что на мне охотники висят, а потому, что я выпустил такого джинна из бутылки, возможностей которого никто не знает. Вот только уничтожить их я не смог. Эти НЕРвы – мое создание, мои дети. Я не убиваю своих детей, какими бы уродами они ни были. Ты… ты найдешь их. А там уж ответственность на тебе будет, на тебе…

Дневник… Вся информация…

Болтун давно бредил. Его шатало. Если бы не узость коридора, он бы попросту упал. Я подхватил его. Подбежал Тройка. Мы усадили Болтуна возле стенки. Его глаза остекленели, изо рта вырывались несвязные слова…

– Дайте, дайте…

– Чего дать? – спросил Тройка.

– Чего угодно, но дайте…

Руки Болтуна конвульсивно дернулись, и он щелкнул себя по внутренней стороне запястья жестом, понятным любому наркоману.

– Дерьмо собачье! У него же ломка, чего вы смотрите? – воскликнул Мартин. – Кольните его, у кого-нибудь есть? А?

Его рука нырнула в какой-то потайной кармашек, а затем всадила короткий, одноразовый инжектор Болтуну в шею. У того в горле что-то забулькало, и он начал валиться на правый бок.

– Что ты ему вогнал? – поинтересовался Тройка.

– Растворенный крэк.

– Ни хрена себе…

Он очнулся только через час. За это время мы доволокли его до места, где лилась какая-то вода из пробитой трубы. Помылись, ополоснули лицо Болтуну.

– Мать… Что это было? – спросил Болтун.

– Крэк, – ответил Тройка.

– Не пудри мозги, – вяло возразил Болтун. – Что я, крэка не пробовал?!

– Растворенный… – добавил Мартин.

– Елки… – только простонал Болтун. – Вы же меня на него посадите… Я же потом не слезу.

– Слезешь, если ты им раньше не ширялся, то еще пять вмазок у тебя есть. А что ты прикажешь делать, у тебя коллапс начался. – Тройка был уже на взводе. —

Козел. С собой ширево таскать надо, нарк поганый.

– Пошел ты… – спокойно ответил Болтун и опустил голову под струю холодной воды.

– Где они?

– Что где? – Болтун не вырывался.

– НЕРвы где? Ты сказал, что спрятал. Болтун захихикал. Потом засмеялся. Потом у него началась истерика. Он хохотал, заливаясь слезами, стучал кулаками по земле, катался из стороны в сторону.

Мартин подошел сзади и тронул меня за плечо.

– Погоди, – сказал он. – Это отходняк у него. Я знаю, что делать.

И с размаху всадил катающемуся Болтуну ногой в копчик.

Болтун взвыл, выгибаясь дугой, но смеяться перестал. Тихо лежал, хлопая мокрыми от слез глазами.

– Так где ты их спрятал? – повторил мой вопрос Тройка.

Болтун снова хихикнул, но справился с собой:

– У якудза.

Когда мы выбрались, в торговых рядах на Литературной площади не произошло никаких изменений. Трапперы действовали чисто. В озере рынка их бросок не вызвал никаких волн.

14. Константин Таманский. Независимый журналист. *34 года*

– Это мясо. Тушенное в вине с грибами, – ледяным голосом произнесла Ласточка, грохнув передо мной тарелку с неприятного вида месивом. От него гнусно пахло. – Если ты помнишь, это твой заказ, сделан по дороге из Гомеля. С тех пор свято храню. Будешь есть?

– Спасибо, милая, я уже сыт, – чинно сказал я.

Игорь сидел в кресле и испуганно смотрел на нас. Из-под футболки торчала рукоятка «стечкина».

– Ты сволочь, Таманский. Редкая скотина.

– Знаю. Уж таким создал меня свет. Ладно, не будем усложнять отношения. Познакомься лучше: это Игорь.

Ласточка обернулась и внимательно осмотрела моего найденыша. Тот пялился на нее, что было вполне понятно, на Ласточке из одежды имелся только полупрозрачный малиновый халатик.

– Он что, будет здесь жить?

– «Кто сей волосатый? Он что, у нас ночевать станет?» – процитировал я классика. Вроде это был Тургенев, а может, и нет, не так уж хорошо я знал старинную литературу. По крайней мере, нечто из старой школьной программы, пока еще не был введен проект «Минимум». – Нет, жить он будет как раз-таки у меня. Хотя… Слушай, а чего бы тебе не поехать домой? Я как-то сразу не сообразил. Ты ж не бездомный, сам сказал, на Арбате обитаешь…

– Обитал, – обиженно буркнул Игорь. – Меня отец из дому выгнал месяц назад.

– Ах, у тебя и отец есть? Кем работает?

– Никем. Безработный. Раньше почтовым служащим был, а потом почтамт автоматизировали, вот и выкинули…

– А чего ж выгнали-то?

– Да он целыми днями на «белом» сидит…

«Белый» – дешевое дерьмо, от которого быстро загибаются. Чередует милейшие глюки с приступами страшенного буйства. Не стоит пацану к папаше возвращаться, беда будет. Оторвет ему батя голову или он батю чпокнет, вон как «стечкина» своего возлюбил. Вот так, Таманский, усыновил малолетнего преступника, майся теперь.

– Представь меня, – велела Ласточка, бросив тарелку с мясом в мусороприемник.

– Это Ласточка. А это – Игорь. Фамилия твоя как, друг негров?

– Короленко.

– Игорь Короленко, стало быть. Дай ему что-нибудь съесть, Ласточка.

Пока пищедоставка разогревала обеды, Ласточка высказывала все накопленное за прошедшие без меня дни. Когда все это благополучно пронеслось над головой, я встал и сказал:

– Извини, мне нужно поговорить с одним человеком.

Напрямую с Шептуном я связывался очень редко, но сейчас был именно тот случай.

– Привет, Скример, – сказал он.

– Привет. Сегодня узнал кое-что о том, что ты просил.

– Можешь называть вещи своими именами, у меня сильная защита.

– У черных в Белом Море есть микрокристалл с информацией по Алмазным НЕРвам. Что конкретно – узнать не смог, хорошо, ноги унес.

– А зачем ты туда поперся?

– Долгая история. Кстати, НЕРвы нужны не только тебе. Есть, оказывается, и другие люди, которые в них заинтересованы. Например, некие Грызун и Дайвер, ныне уже покойные. Просчитай их, тебе это проще.

– Хорошо.

– И еще одна просьба: нужно поискать человека, которого зовут Борис Соколов. Работает в «Комсомольской правде».

– Хорошо. Это все?

– Все. Ой, нет, забыл. Как наш общий знакомый, доволен интервью?

– Доволен. Не исключено, что захочет встретиться с тобой снова. До свидания, Скример.

Утро я встретил в идеально чистой постели, правда, Ласточки рядом не наблюдалось – она спала в своей комнате. Так что перемирие еще не объявлено.

Игорь ночевал в мансарде, и я не стал его будить – пусть отдыхает. Прошлепав на кухню, я заказал мокко и булочки с джемом, а в ожидании завтрака включил стерео.

– …расследование террористического акта в Доме журналистов, – сказал диктор педерастического вида. – К сожалению, представитель Службы безопасности пока не может прокомментировать ход расследования. Позиция президента…

Я переключил канал. Позиция президента меня мало интересовала, тем более что самого гаранта Конституции я уже давно не видел живьем – только регулярные обращения к народу, вполне вероятно сработанные на компьютере. По другому каналу тоже шли новости, но более занятные – на Новом Арбате разгоняли демонстрацию природников. Природники выступали против внедрения в средних школах истории кибернетики как обязательного предмета. Чем природникам не понравилась история кибернетики, я мог только догадываться, но милиция с ними не церемонилась, поливая из шлангов и молотя шокерами. Природники яростно сопротивлялись, и камера злорадно продемонстрировала, как к санитарной летающей платформе милиционеры тащат своих побитых соратников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.